

О. Федорущенко

**Белогорская
ОБИТЕЛЬ**

**Издание Белогорского Свято-Николаевского
мужского монастыря
2011 г.**

По благословению
Высокопреосвященнейшего Мефодия,
митрополита Пермского и Соликамского

Свято-Николаевский Белогорский монастырь

БЕЛОГОРСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Среди святынь Русской Православной Церкви, оскверненных и уничтоженных после октябрьских событий 1917 года, был и Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь. Находился он прежде в Осинском уезде Пермской епархии. Сегодня это Кунгурский район Пермского края, в двенадцати километрах от села Калинино.

Просуществовал монастырь совсем недолго, но известность на Руси приобрел немалую. До 70 тысяч паломников в год посещали эту юную обитель, стоящую на живописной вершине Белой горы. Надо заметить, что в Пермской губернии были и более древние и известные монастыри со своими старцами, которые всегда привлекали молящихся, со знаменитыми святынями – чудотворными иконами или мощами

святых. Однако «Уральским Афоном» называли только Белогорский монастырь.

Конечно же, красота и величие самого монастыря и окружающей природы, устремленность к небу вполне позволяли сравнивать его с настоящим Афоном, но не это было главным. Прежде всего, монастырь славился строгим соблюдением устава, в основу которого был положен устав одного из Афонских монастырей, строгим уставным – без пропусков и нововведений – богослужением, строгим внутренним устройством, строгостью жизни самих монахов.

Вот какое впечатление осталось у иеромонаха Серафима (Кузнецова) от первого посещения Белогорской обители: «Весь строй монашеский, вид черных траурных одежд, вид юных лиц, лишивших себя мирских удовольствий и ласки родительской ради Христа, растрогали меня до слез. Так, я думаю, и многих посетителей не лишают святые иноческие обители сего блаженного состояния. Вместе все это совокупно приносит неоценимую пользу как для семейной жизни, так равно для общества, государства и Церкви. Ничто так не поднимает дух в народе, как строгие идеальные монастыри».

Вот в чем секрет необычайной притягательности Белогорского монастыря, крещенного православным людом «Уральским Афоном».

Истоки становления обители на Белой горе уходят во времена более чем столетней давности. Идея возникновения связана с неустанной борьбой Русской Православной Церкви против раскола. Об этой непримиримой борьбе мы еще не раз упомянем в этой книге.

Известно, что Урал издревле являлся прибежищем старообрядцев. Здесь, на отрогах Уральских гор, покрытых густыми лесами и окруженных непроходимыми болотами,

могли надежно укрыться от преследования и беглый крепостной, и тяглый разбойник, и упорный раскольник.

В народе Белые горы славились особой дремучестью. В окрестных деревнях и рабочих поселках даже бытовала поговорка: «Уйду де от вас на Белые горы!» То есть спрячусь так, что никто никогда меня не найдет.

Старообрядческое население Кунгурского, Осинского, Оханского, Красноуфимского, Екатеринбургского уездов, а также Юго-Кнауфского и Бымовского заводов в то время преобладало над прихожанами Русской Православной Церкви. Поэтому Белогорье можно было смело назвать одним из мощных центров староверов.

Кто же такие староверы и почему с ними велась такая непримиримая борьба? Началом этой борьбы послужила реформа Патриарха Никона в середине XVII века. Цель реформы – повысить авторитет церковной власти в условиях завершения процесса образования Русского централизованного государства.

Содержание реформы заключалось в том, что исправлялись церковные книги и обряды по греческим образцам, принятым в южнославянских странах (Болгарии, Сербии и т.д.), церковно-политические связи с которыми для России в то время были крайне важны. Кроме того, создавалась строгая церковно-иерархическая лестница (от священника до Патриарха), которая подчинялась общегосударственной системе централизации.

История доказала, что для укрепления государства Российского реформа сыграла положительную роль. Однако в то время значительная часть духовенства и простых верующих изменения обрядовых норм церковной службы не приняла. Ведь теперь по-другому нужно было накладывать крестное

знамение (не двумя перстами, а тремя), по иным канонам иконы писать, непривычные слова из богослужебных книг читать и т. д.

Перед Великим постом 1653 года Патриарх Никон издал распоряжение: «По преданию свв. и свв. отец не подобает в церкви метания творити на коленам, но в пояс бы вам творити поклоны. Еще и тремя бы персты крестились... Иже кто не знаменуется тремя персты, яко же и Христос, да есть проклят».

В религии мелочей не бывает, а тут такое, да еще накануне Великого поста. Протопоп Аввакум в своем «Житии» пишет: «Мы же задумалися, сошедшея между собою. Видимо, яко зима еретическая хоцет быти. Сердце озябло и ноги задрожали».

А Патриарх Никон пошел дальше. «В 1654 году, – отмечает в одной из своих лекций профессор Московской Духовной академии В.Д. Юдин, – Патриарх Никон созвал Церковный Собор, где заявил, что московские книги содержат в себе неправые чины и обряды, несогласные с истинно древними чинами и обрядами, поэтому необходимо их выверять по образцам греческим». За поддержкой он даже обратился к Константинопольскому Патриарху Паисию, но тот ему ответил, что «православие не требует того, чтобы оно раз и навсегда было заключено в какую-то окончательную обрядовую форму. Оно всегда допускало разнообразие внешних форм выражения своего учения. Лишь бы не было вероучительных искажений».

Но Никон властно и упрямо гнул свое. Даже старый московский монашеский клубок торжественно и прилюдно переменял на греческий. Также принял греческие амвоны, архиерейский посох, монашеские мантии, церковные напевы и т. д. Конечно же, многие глубоко верующие люди вот так

сразу ничего этого принять не могли и истово принялись защищать старые церковные обряды. Вот тех, кто защищал прежние формы богослужения или старую обрядовую жизнь, стали называть старообрядцами, староверами, а в дальнейшем и раскольниками.

Как и Патриарх Константинопольский Паисий, Патриарх Никон тоже прекрасно понимал, что различие обряда существенного значения не имеет. Сам же он писал: «И те, и другие (книги) добры, все равно, по коим хочешь, по тем и служишь». Ему важно было, чтобы староверы были не столь привержены к новому обряду, сколь подчинены верховным властям. Для него это было главным.

Когда в 1658 году властолюбивый Патриарх Никон поссорился с царем Алексеем Михайловичем и отошел от дел, сохраняя, однако, за собой титул Патриарха, противники обрядовых и книжных новшеств (староверы) стали более энергично отстаивать свою правоту. Автор «Истории государства Российского» Василий Осипович Ключевский по этому поводу говорит: «В Московском государстве явилась мысль, что Русская Поместная Церковь обладает всею полнотою вселенского сознания; что для спасения ничему и ни у кого больше учиться не надо; что на место вселенского сознания мерилom христианской истины стала национальная церковная старина». Короче, по мнению Ключевского, «упрочилось убеждение в том, что молиться и веровать надо так, как молились отцы и деды. Форма церковных обрядов стала неизменной святыней; даже явилось подозрительное и надменное отношение к участию разума в вопросах веры».

А необходимость участия разума в вопросах веры в то время назрела, как никогда, ибо огромное количество ошибок и даже прямых искажений от малограмотных переписчиков богослужебных книг достигло своего предела. Поэтому

в 1666 году состоялся Церковный Собор с участием почти всех Восточных Патриархов, на котором хоть и был низложен Патриарх Никон, но произведенные при нем изменения обрядов и исправления богослужебных книг были одобрены. Мало того, старообрядцы были преданы анафеме, как еретики, хотя никакой ереси они не проповедовали. Так возник тягостный раскол в Русской Православной Церкви, тем более печальный, что в старообрядчество ушло много глубоко верующих людей, по выражению Ключевского, «людей мысливших о религиозных вопросах, самостоятельно критиковавших приказы, идущие сверху».

Русский философ, историк Николай Онуфриевич Лосский в своей книге «Характер русского народа» отмечает: «Старообрядчество заслуживает внимания, как одно из проявлений основных свойств характера русского народа. В нем выразилась глубокая религиозность в сочетании с силою чувства и воли, ведущими к поразительному фанатизму и экстремизму. Свобода духа, борющегося за свои наиболее интимные убеждения, несмотря на всевозможные преследования властей, заслуживает глубокого уважения... Однако отрыв от великого целого Православной Церкви привел к обеднению религиозной жизни. Очень скоро перед старообрядцами стала трудная задача обеспечить правильное богослужение достаточным количеством священников. Не имея епископов, они принуждены были принимать в свою среду «беглых попов», ушедших по какой-либо причине из Никонианской Церкви. Это был уже компромисс. Правда, не все старообрядцы соглашались принимать таких священников. Отсюда возникло разделение их на поповцев и беспоповцев... Многие миллионы глубоко религиозных русских людей, дорожа привычною им формою культа, откололись от Православной Церкви и вместо сохранения старого обряда получили оскудение его или,

среди беспоповцев, даже утрату его. Таким образом, раскол в Православной Церкви есть печальная драма русской религиозной жизни».

Порожденное расколом старообрядческое движение могло бы остаться лишь внутренним делом Русской Православной Церкви, но по мере включения в него низших слоев населения – крестьян, ремесленников, посадских людей – оно начало угрожать самому государству. Начались жестокие репрессии и гонения непокорных. Как следствие – народные бунты, отчаянные акты самосожжения и бегство старообрядцев в дальние от центра места: на Север, на Урал, в Прикамье.

Жестокие репрессии неуступчивых староверов начали спадать лишь во времена царствования Императрицы Екатерины Великой. Борьба с расколом в Русской Православной Церкви переходила в новую стадию: не насилие, а убеждение. Во всех российских епархиях были организованы миссионерские службы, задачей которых было привлечение старообрядцев в лоно Русской Православной Церкви. Была организована такая служба и при Пермской епархии. Во времена основания Белогорского монастыря ее возглавлял протоиерей Стефан Луканин.

Протоиерей Стефан Александрович Луканин родился в семье причетника. В 1862 году он закончил Пермскую Духовную семинарию и в том же году был рукоположен иереем в церкви Бикбардинского завода. Четырнадцать лет он был настоятелем этой церкви. Проповеди его славились на всю округу. Бикбардинского златоуста приходили слушать не только православные, не только единоверцы, но и местные старообрядцы, хотя им это было строго запрещено своими наставниками. Заметив его миссионерский талант, епископ Пермский и Соликамский Владимир назначил отца

Епархиальный миссионер протоиерей Стефан (Луканин),
основатель Белогорского монастыря

Стефана настоятелем Благовещенского собора в городе Кунгуре. А надо заметить, что в то время кунгурская православная община была одной из авторитетных в Пермской епархии. Заурядный наставник на этом посту долго там бы не удержался. Протоиерей Стефан был не только талантливым проповедником православия, но и членом Кунгурского и Осинского училищных советов, весьма заметной фигурой в интеллигентных кругах сначала уезда, а потом и всей Пермской губернии. В течение 25 лет он занимал должность уездного и епархиального миссионера.

Миссионерская практика давно уже навела отца Стефана на мысль, что для привлечения старообрядцев в лоно святой Православной Церкви следовало бы где-нибудь в центре раскола устроить такой храм или монастырь, в котором бы совершались богослужения с точным уставным чином Православной Греко-российской Церкви. Для этой цели лучшего места, чем Белая гора, трудно было найти.

Вот как описывал отец Стефан свои впечатления от первого посещения Белой горы в 1890 году: «Так как это было 8-го июня, когда ночей нет, то мы и отправились к Белой горе в 10 часов вечера. Дороги почти не существовало, и в переходах через болота, ручьи и трясины мы провели более 3-х часов, так что прибыли к вершине горы около 2-х часов утра... Дивная местность и очаровательный вид с нею на все четыре стороны света до того поразили меня, что привели в какое-то особенное вдохновение, и я, будучи точно вне себя, только упрашивал товарищей: «Принесите топор, срубим дерево, сделаем крест и поставим его на сие место, ибо место это непростое и его нужно посвятить достойной и высокой цели...»

И, действительно, наскоро сделали из жердей простой крест и поставили его. Этот временный крест простоял менее года. А потом...

А потом произошло потрясшее народ России событие. 29 апреля 1891 года во время путешествия по Японии на Наследника Всероссийского престола Цесаревича Николая Александровича (впоследствии Государя Императора Николая II) было совершено покушение. Неожиданно на одной из улиц города Оцу на него набросился с мечом японец. Цесаревич успел уклониться, и клинок только скользнул по лбу. Нападавший снова замахнулся, но сопровождавший в поездке Наследника греческий принц Георг своевременно парировал удар своей тростью. Мотивы покушения так и остались невыясненными. Никаких объяснений японская сторона России не дала, и Александр III телеграфировал сыну о немедленном возвращении домой.

Вот в честь этого чудесного спасения по инициативе того же отца Стефана и по благословению Преосвященнейшего Владимира, епископа Пермского и Соликамского, при участии православного и единоверческого духовенств Юго-Кнауфского и Бымовского заводов, сел Мазунино и Юговского, при крестном ходе из этих приходов 16 июня 1891 года, в Неделю Всех Святых, был освящен сооруженный на Белой горе деревянный величественный восьмиконечный крест высотой в 5 сажень (10 метров 65 сантиметров), названный впоследствии в народе «Царским». Позже по этой же причине дадут название и монастырю (Свято-Николаевский), и главному храму (Крестовоздвиженский).

Одну десятину земли под устройство креста пожертвовал крестьянин Бымовской волости Павел Федорович Гладышев. Восьмиконечный крест был сооружен из трех мачтовых сосен, скреплен железными винтами и стянут обручами. Поверхности вертикального стержня и поперечин были покрыты кровельным железом и покрашены в черный цвет. Остальные три стороны были покрашены белой краской. Позади креста

«Царский крест», установленный в 1901 г.

выстроили крылечко с двумя боковыми лестницами, чтобы богомольцы могли под ним спрятаться от дождя.

Этот «Царский крест» простоял 10 лет. Но 23 апреля 1901 года во время сильной бури его снесло. Новый, не менее величественный металлический крест был изготовлен на средства купца Павла Степановича Жирнова, впоследствии ставшего ктиторм (начальником строительства) монастыря. Эскиз креста изготовил в то время знаменитый художник-иконописец А.Н. Зеленин, который потом, после посещения Белогорского монастыря в 1907 году, исполнил росписи Святых для его интерьера. Этот третий по счету крест был освящен 14 сентября 1901 года.

Но вернемся в день 16 июня 1891 года, ибо этот день в истории Белогорского монастыря оказался весьма знаменателен. В этот день все тот же главный миссионер Пермской епархии отец Стефан по распоряжению Преосвященнейшего Владимира, епископа Пермского и Соликамского, отслужив соборную литургию в Юго-Кнауфском заводе, отправился с крестным ходом за 12 верст к Белой горе. И что интересно, наряду с православными и единоверцами в крестном ходе участвовало множество старообрядцев.

Вот как описывают дальнейшее очевидцы: «Для постановки креста было избрано на горе самое высокое место, темя которого напоминает форму церковного амвона... Вид от креста на все четыре стороны до того величествен, что трудно описать получаемое от него впечатление. Горизонт открывается необъятный: на восток невооруженным глазом видна даль на полтора верста, на юг – не менее 80 верст, на север – видны горы закамские, до которых не ближе 130 верст.

Богослужение свершалось совместно с единоверцами при соблюдении всех особенностей их служения. Единодушная

молитва была почти для всех желательна и отрадна, в особенности, когда после служения на Белой горе у «Царского креста» молебна о «бездождии» в ту же ночь пошел тихий и теплый дождь до вечера следующего дня, то есть до 17-го числа.

Народ, испуганный неурожаем, до того обрадовался внезапному благодеянию Божию, что на 18-е число упросил миссионера отца Стефана отслужить благодарственный Господу Богу молебен на площади Юго-Кнауфского завода, с тем же собранием священнослужителей... Последовавший на 18 число новый благодатный дождь окончательно всех убедил в силе и богоугодности совместного служения православных и единоверцев...»

Соорудив и освятив «Царский крест», духовенство и все присутствующие приняли всеобщее обещание ежегодно в Неделю Всех Святых совершать на Белую гору торжественный крестный ход от всех близлежащих приходов. Эта традиция свято соблюдалась вплоть до закрытия монастыря, привлекая в лоно Православной Церкви многих старообрядцев, селения которых далеко виднелись с вершины Белой горы. Кстати, называли гору Белой, потому что выпавший первый снег на ней уже не таял, как у подножия. И среди бесконечного осеннего разноцветья лесов и лугов гора выделялась своей ослепительной белизной.

Не менее знаменателен был крестный ход в Неделю Всех Святых и на следующий год. Слово летописцам: «31-го мая 1892 года на Белую гору принесен был в последнее благословение пожертвованный Преосвященнейшим Владимиром образ святителя и чудотворца Николая Березовского, полученный им самим, в бытность в селе Березовском Уфимской епархии, в дар и на память посещения храма.

Чтимую икону святителя Николая до самого места служения несли попеременно два священника. Во время шествия крестного хода клиры православный и единоверческий попеременно пели догматики и ирмосы, первый по нотному обиходу, а последний по крюкам». Сопровождало крестный ход и множество старообрядцев.

«Все торжество, – пишет по этому поводу Преосвященнейшему Владимиру отец Стефан, – Господь прославил опять и ныне особым знамением, послав «милость Божию», – по окончанию молебна послал такой проливной дождь, какой был на Кармиле в Самарии, и промочил всех до ниточки... Сим вторым знамением «милости Божией» и заступлением и молитвами Святителя Николая, пред образом которого совершилось у «Царского креста» молебствие, заградилась у всех раскольников уста, и раскол вскоре растает здесь, как снег перед солнцем».

А на следующий день, «желая еще больше насладиться величием честного креста и красотой природы Белой горы», православные, единоверцы и старообрядцы разделились на две группы, и началось прямо под открытым небом пение церковных песен и тропарей, которое оглашало окрестности до шести часов утра.

«Чудная ночь проведена была в самом оживленном духовном веселии и единокровии! – восклицает летописец. – Около креста любители освещения то и дело разжигали костры, переменяя их положение и любуясь величием креста, отражавшего на новой светлой жести яркое пламя. О, какое чувство умиления и братского единокровия вселяло это спасительное знамя Христово в сердца его окружавших!»

После этой ночи у отца Стефана и у всех православных, участвовавших в торжестве, окончательно укрепи-

лась мысль об устройстве именно здесь, на Белой горе, просветительно-миссионерского монастыря. О скорейшем воплощении этой идеи в жизнь написал в своем завещании и Преосвященнейший Владимир, епископ Пермский и Соликамский. Преосвященный Петр, заняв Пермскую епископскую кафедру, в свою очередь «принял близко к сердцу» мысль о постройке монастыря в центре раскола, встретив в этом деле полное сочувствие и деятельное участие со стороны представителей светской власти. В частности, глава Пермской губернии Петр Григорьевич Погодин, который придавал большое значение вопросу содействия гражданской власти усилиям духовенства в деле распространения православия в Пермской губернии, приказал исправить дороги, устроить мосты, расчистить лес, после чего маленький ручеек паломников к «Царскому кресту» на Белой горе превратился в широкую реку.

Завещание Преосвященнейшего Владимира исполнилось много раньше, чем думал Владыка. Уже 18 июня 1893 года на Белой горе Преосвященный Петр, епископ Пермский и Соликамский, торжественно освятил место для закладки храма в память чудесного спасения Наследника Всероссийского Престола Цесаревича Великого Князя Николая Александровича.

О поездке Владыки Петра в Белогорье знали за неделю. В то время там давно уже стояла сильная засуха. По полям летали тучи саранчи, и неурожай, казалось, был неизбежен. У многих староверов появилась мысль в очередной раз испытать силу молитв православного архиерея. Среди них был и крестьянин Юго-Кнауфской волости Василий Ефимович Коноплев, речь о котором пойдет особо.

Старообрядцы решили так: «Если по молитве Преосвященного Петра на молебне на Белой горе Бог даст благодатный для плодородия дождь, то мы оставим раскол и обратимся в Православную Церковь». Но накануне, 17 июня, не было никакой надежды на изменение погоды. Было ясно и жарко, да к тому же наступило полнолуние – несомненный признак ведра, то есть ясной безоблачной погоды.

«Но 18-го числа, – пишет летописец, – с утра пошел дождь, во время обедни стал усиливаться; крестный ход пошел на гору уже под проливным дождем, сделалось прохладно, а при ветре даже и холодно. Начали поговаривать о том, чтобы закладку храма и молебствие отложить до следующего дня. Но Владыка, во что бы то ни стало, в назначенный заранее день решил выполнить торжественный молебен...

Когда Владыка стал снимать с себя рясу для облачения, дождь стал стихать, подул сильный ветер и нес облака ниже горы, так что видно было, как они неслись мимо величественного креста, разделяемые им...

Народ с умилением внимал словам Святителя, речь которого была исполнена благодушия, кротости, доброты и снисхождения к заблуждающимся; у многих видны были слезы. Да и трудно было удержаться от слез; событие само по себе необычайное; многие, особенно из старообрядцев, впервые в жизни увидели православного архиерея, беседующего со своей паствой. Здесь, кажется, у старообрядцев разрешились все смущавшие их душу сомнения...»

А на Василия Коноплева до того подействовал чудесно явившийся дождь, что он тогда же сбегал под гору домой, принес хлеб и медовые соты и всенародно, при православных и старообрядцах, поднес их Владыке. Тот спросил, кто подносит. И когда ему сказали, что коренной старообрядец, и даже начетчик, тогда Владыка с ним приветливо поговорил,

принял хлеб и соты и сказал: «Такой разумный муж надолго старообрядцем не останется, но скоро из тьмы выйдет на свет и будет с нами – сыном Православной Церкви».

Истинно пророческими оказались эти слова Владыки. Не пройдет и полугодя, как в губернской хронике появится сообщение: «В воскресенье, 17-го октября 1893 года, в Пермском кафедральном соборе Преосвященным Петром совершено присоединение к православию одного из видных на Урале деятелей раскола вообще и последователя австрийской иерархии в частности, жителя Юго-Кнауфского завода В.Е. Коноплева, восприемником которого при совершении таинства миропомазания изволил быть г. начальник Пермской губернии П.Г. Погодин».

А церковные летописи отмечали: «Этот новый плод семилетних трудов епархиальной миссии и главного ее деятеля, миссионера отца Стефана, подготовившего присоединение Коноплева, нельзя не назвать крупным событием в летописях церковной жизни Пермской епархии».

Заметим здесь, что не было еще на Белой горе ни одного храма, ни одной монастырской постройки, ни одного православного священника, постоянно здесь живущего, – стоял только один «Царский крест». Однако старообрядцы десятками отрекались от старой веры и принимали православие, и не казалось это каким-то уж необычным делом. Но вот присоединение к православию Василия Коноплева вдруг оказалось «крупным событием в церковной жизни Прикамья». И таинство миропомазания над ним совершает не кто иной, как сам епископ Пермский и Соликамский. И присутствует при этом таинстве сам губернский голова.

Почему такие почести простому крестьянину от таких сановитых людей? А потому, что крестьянин тот был вовсе не простой.

Василию Ефимовичу Коноплеву (в монашестве отцу Варлааму) Господь уготовил сложную, трагическую судьбу. Родился он в 1858 году в семье старообрядцев, крестьян Осинского уезда Пермской губернии при Юго-Кнауфском заводе.

«На девятом и десятом году, – пишет Коноплев в своей автобиографии, – я выучился грамоте; молился с беспоповцами; когда стал приходить в возраст, начал прилежать к Божественному Писанию. В мире сам для души полезным ничего не нашел, – все суетность, кроме Божественного и отеческого Писания...

Я с усердием читал, насколько мне Бог помогал. Я стал гореть духом к Богу, стал размышлять о вере, о расколе, о православии Восточной Церкви... В ночное время часто, бывало, вставал на молитву перед образом Господа Вседержителя и ... просил указать, в которой Церкви и через каких пастырей благодать Святого Духа действует, то ли в Церкви Восточной и Греко-славянской, то ли у старообрядцев-беспоповцев и австрийских...

Итак, в такой заботе пребывал долгое время, поэтому не восхотел взять себе и жену, ибо апостол пишет: «Оженившийся печется, как бы угодить жене, а не ожившийся печется о Господе, как бы угодить Господу».

В поисках истины Коноплев отправился путешествовать по Уралу, по поволжским городам и поселкам, где вел долгие беседы с авторитетами различных старообрядческих сект. Остановился на австрийской...

«Вступив в австрийскую секту, – пишет он далее в автобиографии, – я ревностно стал ее проповедовать, восхваляя и защищая ее, и немало нанес вреда Церкви господствующей, отторгнул от нее многих последователей вслед себе в заводах Юго-Кнауфском, Бымовском и окрестных приходах...»

Игумен Варлаам, строитель и первый настоятель
Белогорского монастыря

Между тем епархиальные миссионеры и местные священники тоже вели неустанные беседы со старообрядцами о православной вере, но Коноплев на те беседы не ходил, сколько его ни приглашали.

И все же настоянием отца Стефана беседа его с Коноплевым состоялась. «Его словеса и доказательства меня умилили, – пишет Коноплев, – с этого времени я сделался аки земным зноем разгораем духом о разыскании истинного священства».

И вновь путешествие, теперь в Москву, где произошла встреча Василия Ефимовича с настоятелем Николаевского единоверческого монастыря отцом Павлом, большим знатоком раскола и единоверия.

Заметим, что под единоверием разумелось условное единение старообрядцев с Православной Церковью. Святейший Синод всегда подчеркивал, что «учреждение Единоверческих Церквей последовало по снисхождению Православной Церкви для облегчения отторгнувшимся от нея пути возвращения в лоно Церкви». То есть единоверие рассматривалось как переходный этап обращения старообрядцев в православие.

Так вот, после продолжительных бесед с отцом Павлом Коноплев уже было склонился к единоверию, но... На обратном пути, на пароходе, он зачитался книгой Ивана Филипповича Тертия о нуждах Единоверческой Церкви, которая так на него подействовала, что «напрочь отразила от единения церковного». Приехав домой, он с таким жаром начал убеждать людей в правоте своей секты, что, по его словам, «много вреда наделал Православной Церкви: многие хотели со мной возвратиться, но я всех остановил, а раньше ушедших в Церковь Православную в сомнение привел...»

Видимо, оратор он был незаурядный, потому что местные священники, по их признанию, «ничтоже успевшее», распи-

сались в своем бессилии и донесли об этом епархиальному миссионеру отцу Стефану. Тот в «умолительном» письме предложил Василию Ефимовичу не поленился и со всеми своими книгами приехать к нему в Пермь на беседу. Коноплев не поленился, приехал, и хоть в очередной раз беседой «зело умилился», но при своем мнении так и остался. С тем и домой уехал.

Больше того, в тот знаменательный крестный ход в Неделю Всех Святых, 28 мая 1893 года, который проходил подле его дома и в котором приняло участие много староверов, Коноплев нашел себе дело ехать в Саратовскую губернию, в город Хвалынск, а потом на Черемшан, в старообрядческую обитель. Эту обитель он давно присматривал для того, чтобы оставить мирское житие и поселиться в ней на всю оставшуюся жизнь.

Но сомнения, кто же прав, старообрядцы или православные, не оставляли его в покое ни на минуту. Вновь и вновь взывал он к Богу указать ему верный путь, ибо устроен был, по собственному признанию, как Фома Неверующий: пока не увидит своими глазами, не пощупает своими руками – не поверит.

«О Господи, – молил он, – покажи мне чудо, разреши мои сомнения и недоумения: ежели Церковь Восточная и Российская за обрядовые применения не лишилась благодатных даров, то во время торжества российского духовенства на Белой горе в самое их молебствие пошли, Господи, дождь обильный на землю в такое знойное время: да разумею, яко через сих пастырей действует благодать Святого Духа».

Как мы знаем, чудо свершилось. В Белогорье пролился такой дождь, что поднял уровень воды в реках Сылве и Чусовой выше весеннего. Застраившие в верховьях этих рек плоты

и караван барок с огнеупорной глиной для заводов успешно снялись с мелководья и прибыли по назначению.

Кстати, владельцы этих барок и плотов, купцы Константин Лаптев, Федор и Степан Шишигины, пожертвовали на колокола для будущей обители, как и обещали при сотворении чуда, по сто рублей. На этих колоколах потом были отлиты их имена: «Константин», «Степан» и «Федор».

Конечно же, и на Коноплева это Божественное знамение благодатно подействовало. Как он сам заметил, начал относиться к православию «помягче». Но не более.

8 июля 1893 года на Белой горе произошла очередная, но, пожалуй, решающая в судьбе Василия Ефимовича встреча с миссионером отцом Стефаном Луканиным.

«Когда я к нему явился, – вспоминает Коноплев, – паки спрашивает меня, почему не признаю Православную Церковь, почему не иду в единение с нею. Я представил ответ: за клятвы соборов 1666 и 1667 годов; они мешают мне... Отец миссионер ответил мне на это: «Вы понимаете так, что ваши священники служили по-старому, их не следовало бы проклинать; но не за служение их прокляли, а за не покорение Вселенской Церкви и за хулу, и поэтому несправедливо, что вы за эти клятвы отделяетесь от Православной Церкви и от всей Вселенской Церкви отделились».

Сильно подействовали на Коноплева эти слова отца Стефана. А когда после упомянутой выше беседы Коноплев получил от Преосвященного Петра, епископа Пермского и Соликамского, два тома Догматического Богословия и прочитал их, сердце его совсем успокоилось. «Меня как свет облистал, – пишет он, – тогда увидел я, что в Церкви Православной в догматах веры погрешностей нет; и вот эти книги много послужили мне к признанию Православной Церкви благодатью, имеющею право по Христову словеси».

28 сентября 1893 года на Белой горе был совершен Преосвященным Петром благодарственный молебен по просьбе местных жителей – по случаю обильного урожая, который послал Господь по молитвам верующих в минувшее лето. Это богослужение, со всеми сопровождавшими его обстоятельствами, было важнейшим событием в жизни Белогорья.

К двенадцати часам дня на Белую гору прибыли крестные ходы из ближайших церквей. Несли святые иконы, назначенные в дар будущему Белогорскому Свято-Николаевскому монастырю. Вместе с другими иконами принесены были:

- копия с чудотворного образа святителя Николая Березовского;

- икона «Живоносный источник», пожертвованная Преосвященнейшим Владимиром, епископом Пермским и Соликамским;

- древнейший образ святителя Николая (Строгановской школы, XVII века), дар архимандрита отца Павла от первопрестольного града Москвы.

Все хоругви и запрестольные кресты расположили на помосте у «Царского креста» полукругом. Их окружали четыре мальчика в стихарях и с фонарями.

Ровно в двенадцать часов прибыл Преосвященный Петр, епископ Пермский и Соликамский. Духовенство, в числе пятнадцати священников, в желтых облачениях, вышло к нему навстречу. Масса православных, единоверцев и старообрядцев в глубоком благоговении смотрела на архиерея, которого облачали в полное, белого цвета, одеяние иподьяконы.

Освятив первым делом привезенные из Москвы колокола, Владыка обратился к народу с поучением. Предметом поучения послужило желание верующих вознести благодарственную молитву Господу Богу непременно на Белой горе. Одобрив это желание, Владыка сказал: «Горы вообще

в глубокой древности избирались для созерцаний духовно возвышенных. В истории рода человеческого все исключительные, многознаменательные события совершались на горах...»

Развивая эту мысль и имея в виду обустройство на Белой горе монастыря с просветительной целью, Владыка пояснил, что устройство на горах святых обителей тоже ведется с глубокой древности. И для примера указал множество знаменитых обителей на Востоке и у нас на Руси, которые утверждались на горах, «как светильники, указуя путь во тьме блуждающим».

По окончании поучения, до молитвы, предстал перед Владыкой Василий Коноплев. Преклонив голову до земли, он всенародно принес раскаяние.

«Момент этот был поразительный, – пишут очевидцы. – Православные радовались и торжествовали, а для старообрядцев, в особенности австрийской секты, в которой Коноплев был «головкой», эти минуты были убийственными». Не будем здесь забывать, что Белогорская обитель создавалась в центре раскола именно с целью привлечения старообрядцев в лоно Русской Православной Церкви. И, конечно же, раскаяние Коноплева было большой победой миссионерской службы Пермской и Соликамской епархии, что и не преминул подметить Владыка в своей проповеди: «Многие, находясь в расколе и будучи удалены от Матери-Церкви, скорбят и томятся духом. Очень жаль только, что немногие, как, например, предстоящий Коноплев, при своей начитанности, достигая ясного уразумения истины, решаются сознаться в своем заблуждении».

По окончании поучения Василий Ефимович Коноплев получил от Владыки святительское благословение вместе со всеми православными приступить ко всеобщей молитве.

В этот же день после молебна Владыка освятил два колодца: «Святой ключ» и «Иордан» (один для ежедневных монастырских нужд, другой – для водоосвящений в Богоявление, Преполовление и Первое августа). Колодцы оснащены были ручными насосами, приводимыми в действие колесом.

Освящены были и первые ряды срубов для строящейся часовни (впоследствии – Никольского храма). Кстати, все это было сделано руками того же Коноплева по подряду минувшим летом.

28 сентября 1893 года был образован Белогорский строительный комитет, в который вошли: земский начальник С.Г. Грузов, пристав 3-го стана Осинского уезда А.Ц. Корибут-Дашкевич, юго-кнауфские купцы В.А. Волокитин и А.Я. Серебряков. Председателем комитета стал отец Стефан Луканин.

Итак, начало иноческой обители на Белой горе было положено. Не хватало только насельников. Но всенародно раскаявшийся Коноплев подавал надежду как «природный и ближайший насельник» возникающей у всех на глазах православной мужской обители. И Василий Ефимович Коноплев надежду эту епархиальных миссионеров вполне оправдал. 6 ноября 1893 года Преосвященным Петром он был облечен в рясофор и удостоен того, что Владыка возложил на него свой собственный архиастырский клобук.

А 1 февраля 1894 года в Крестовой церкви было совершено пострижение в иночество послушника Василия Коноплева с наречением его Варлаамом. На следующий день в Семинарской церкви св. Иоанна Богослова города Перми Преосвященным Петром инок Варлаам был рукоположен в иеродиакона.

Освящение Свято-Никольского храма

Тем временем на Белой горе полным ходом шло строительство первого Свято-Никольского храма. Коноплев принялся за дело споро. По его словам, «работал теперь уж не яко наемник, но яко хозяин, про себя строящий». На деньги, данные ему миссионером отцом Стефаном, сторговал у старообрядца большой дом, и вскоре на вершине Белой горы вместо предполагаемой часовни стоял уже готовый деревянный храм. Освящение его было назначено на 28 февраля 1894 года.

Ко времени освящения для новосозидаемой Свято-Николаевской обители были приготовлены дарственные иконы:

- от обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева – образ Божией Матери «Слово плоть бысть»;

- от товарища обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблера – образ святого благоверного князя Владимира;

- от Преосвященного Петра, епископа Пермского и Соликамского, – древний образ Моздокской Божией Матери;

- от Пермского губернатора Петра Григорьевича Погодина – дорогой образ святого благоверного князя Александра Невского с надписью золотыми буквами: «Настоятелю Белогорской Свято-Николаевской обители иеромонаху Варлааму на молитвенную память от Пермского губернатора Петра Григорьевича Погодина, 28-го февраля 1894 г.»

В день освящения вновь построенного Свято-Никольского храма случилось еще одно чудесное мгновение, которыми и до, и после этого дня славилась Белая гора.

«Еще с утра у всех православных, – отмечает очевидец, – была сердечная молитва о том, чтобы Господь дал день теплый и ведренный, так как предыдущие дни были весьма

холодные... и даже с ветром. С 8 часов стало заметно теплее, а с 9 часов сквозь густые облака стало показываться солнце. В 10 часов, хотя шел снег, но лучи солнца уже сильно освещали землю, и шедший при солнце снег был подобен каплям дождя в летнее время при лучах солнца. Во время освящения храма, служения литургии и освящения после литургии хлебов было до того тихо и ясно, что на открытом воздухе не гасла ни одна свеча».

Народу собралось множество, и храм всех вместить не смог. Владыка, заботясь о молящихся, распорядился, чтобы все не участвующие в освящении храма священники и дьяконы одновременно служили торжественный молебен у «Царского креста» вместе с шестью единоверческими священниками. При чем каждая сторона исполняла все строго по уставу, с сохранением свойственного для тех и других характера в пении, чтении и молитве.

Очень тронуты были богомольцы таким стройным, чинным и уставным богослужением шестнадцати священнослужителей с диаконами и множеством клириков. На многие версты с Белой горы огласилось славословие Божие и не прекращалось уже вплоть до разорения монастыря.

За Божественной литургией был рукоположен в сан иеромонаха отец Варлаам. Когда все закончилось, Владыка со своей свитой начал спускаться с вершины вниз. «Как мглою опять закрылась Белая гора, и не видно было уже солнца за снежной вьюгой».

Поистине прекрасное Божественное знамение!

Храм-первенец Белогорской обители, нареченный Свято-Никольским, богомольцы возлюбили с первых дней, хотя в архитектурном плане он ничего особенного не представлял (простая пятистенная изба с подваль-

ным помещением и с незамысловатой колокольней). При чем колокола располагались не в колокольне, а на столбах, напротив храма. Все по-простому, но отовсюду шли и шли сюда богомольцы и те, кто хотел остаться в юной обители навсегда. А таких у отца Варлаама собралось уже 12 человек. В храме молились, там же и жили в подвальных кельях. Конечно же, стало очень тесно и монахам, и прихожанам. Поэтому решено было строительному комитету во главе с его председателем миссионером отцом Стефаном подумать о расширении новой обители.

12 июня 1894 года, в праздник Всех Святых, отслужив литургию в Свято-Никольском храме, Преосвященный Петр, епископ Пермский и Соликамский, совершил освящение места и закладку Иверского храма (верхнего) и храма во имя Всех Святых (нижнего, зимнего) в память помолвки Государя-Наследника Великого князя Николая Александровича с высоко нареченной невестой – Александрой Федоровной, при участии большого числа духовенства Пермской епархии.

Жители Перми и окрестных с Белогорьем деревень и сел щедро жертвовали новой обители священные сосуды, Евангелия, дарохранильницы, напрестольные облачения, плащаницы, покровы, воздуха, лампы, подсвечники, паникадила и т.д. Послушник Игнатий Парфенов, позднее – иеродиакон Израиль, пожертвовал чудотворную икону Иверской Божией Матери, написанную в Казанском женском монастыре на кипарисовой доске 2 аршина высотой и 1,5 шириной с фоном из червонного золота. Доставили ее с крестным ходом на носилках.

Не было недостатка и в денежных пожертвованиях. Потому верхний храм (Иверский) был освящен уже через

Строительство храма Иверской иконы Божией Матери

год, 29 июня 1895 года. А нижний храм (Всех Святых) – еще через год с небольшим, 1 октября 1896 года. Заметим здесь, что по проекту строителя, того же миссионера отца Стефана, вокруг Иверского храма была построена терраса. Не просто для красоты она была сделана, а специально для старообрядцев устроена.

Дело в том, что староверы, естественно, были очень возбуждены появлением на Белой горе православной обители. Их непримиримые наставники научали, что де «в православных церквях одно еретичество, все испорчено, одна погань осталась. В их капище (т.е. в Православную церковь, – *авт.*) не только входить нельзя, но даже, заслышав их пение, заткнуть уши и бежать. А если от дождя станешь под крышу никонианского капища и капля с крыши тебе капнет на одежду, то должно таковую выжечь, иначе нет прощения». В то время воинствующих фанатиков было предостаточно. Вот терраса отца Стефана Луканина и должна была избавить любопытствующего старообрядца от этих «неприятностей». Приходи, дескать, смотри и не бойся, что на тебя с крыши накапает.

И приходили, и смотрели. Сначала около храма, потом на террасу поднимались, в окна заглядывали. Слушали, что читают, что поют. Смотрят на православные иконы, – и у них такие же, даже с двуперстием едва не половина. Смотрят на крест, – и у них такой же, восьмиконечный. Слушают чтение и пение, – и у них то же Евангелие, Апостол, Псалтырь и т. д. И невольно закрадывалась мысль о том, что, пожалуй, между старой и новой верами разница-то не велика. Да, так было, и из истории, как говорится, слов не выкинешь.

Деревянный двуглавый храм Иверской иконы Божией Матери и Всех Святых имел вид корабля и был необычайно красив, особенно вечером при полном освещении. На торжестве освящения храма Преосвященнейшим Петром, еписко-

Храм Иверской иконы Божией Матери (летний)
и Всех Святых (зимний)

пом Пермским и Соликамским, присутствовало множество православных, единоверцев и старообрядцев.

30 мая 1895 года, после литургии, на Иверском храме были установлены золоченые «через огонь» три креста, пожертвованные кунгурским купцом Ф.Т. Шишигиным.

Как утверждают летописи, 20 января 1897 г. (по данным госархива это случилось 30 января того же года) Белогорский монастырь был утвержден Святейшим Синодом Русской Православной Церкви штатным мужским общежительным монастырем. Иеромонах отец Варлаам назначен его настоятелем.

16 сентября 1897 года стал «светлым днем радости» для Белогорской обители. В этот день с крестным ходом было доставлено пять святых икон в дар новому монастырю из Москвы и Санкт-Петербурга:

- от Высокопреосвященнейшего Сергия, митрополита Московского, – образ преподобного Сергия Радонежского;

- от Высокопреосвященнейшего Палладия, митрополита Санкт-Петербургского, – точная копия иконы Казанской Божией Матери;

- от Высокопреосвященного Антония, епископа Финляндского, – образ Казанской Божией Матери, писанный иноками Валаамского монастыря;

- от Преосвященного Иоанна, епископа Нарвского, – образ святого благоверного князя Александра Невского;

- от настоятеля Кронштадтского Андреевского собора, протоиерея Иоанна Ильича Сергеева, – образ Божией Матери «Скоропослушница».

16 ноября 1897 г. произошло несчастье: сгорел до основания деревянный Свято-Никольский храм. Погорела вся утварь, а внизу, в кельях, – все братское имущество. На время братия, жившая в этих кельях, переселилась в зимний храм Всех Святых.

Обнесенные вокруг Иверского храма и храма Всех Святых с молебным пением чтимые иконы Божией Матери – «Иверская» и «Неопалимая Купина» – предотвратили большее несчастье, и Иверский храм чудом уцелел. С этого времени настоятелем отцом Варлаамом было положено ежедневно на монашеском правиле воспевать тропарь Божией Матери «Неопалимая Купина».

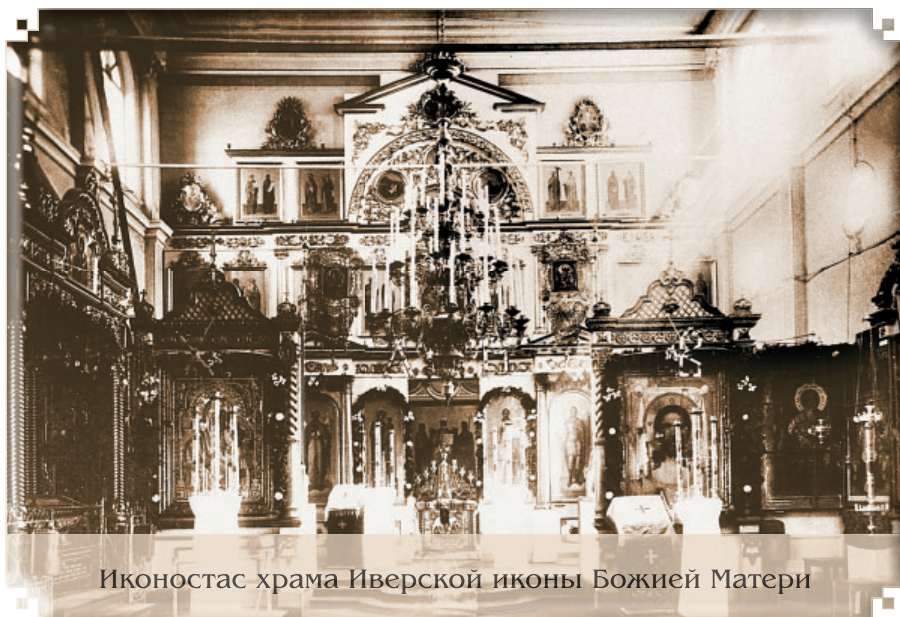
Незримая духовная нить связывала Белогорье с величайшими святынями православного мира. 1898 год принес благословение монастырю в виде образа Иверской Божией Матери «Вратарница» – это копия чудотворной иконы, что находилась в Новом Афоне, в грузино-греческом Иверском монастыре.

В обители бережно хранились и другие православные святыни:

- образ Пресвятой Троицы, писанный на куске мамврийского дуба, – благословение Палестины;
- святая икона собора Печерских чудотворцев с частицами мощей преподобных Пимена и Кукши – дар Киево-Печерской лавры.

В серебряной, чудной работы, раке почивали частицы мощей:

- священномучеников и угодников Божиих – Иоанна Крестителя и апостола Андрея Первозванного;
- святителей – Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Афанасия Великого;
- священномучеников – Харлампия и Григория Армянских, архидиакона Стефана, Святого Модеста, Патриарха Иерусалимского;
- великомучеников – Георгия Победоносца, целителя Пантелеимона, Дмитрия Солунского, Евстратия, Мины, Артемия;

Иконостас храма Иверской иконы Божией Матери

Монастырская братия
у иконостаса Крестовоздвиженского собора

- бессребреников – Косьмы и Домиана;
- преподобномучеников – Ефимия, Игнатия и Акакия;
- часть Святого Животворящего Креста Господня.

Все эти святыни были дарованы Вселенским Патриархом и афонскими старцами игумену отцу Варлааму во время его поездки в Иерусалим и на Афон в 1907 году, им же и привезенные в Пермь. А из Перми раку со святыми мощами на Белую гору несли на руках торжественным крестным ходом.

Следуя миссионерским задачам монастыря, монахи вели особые неустанные беседы со старообрядцами о правоте православной веры. Многие после этих бесед принимали в обители православие через Таинства Покаяния и Миропомазания.

Посетивший в августе 1898 года Белогорскую обитель пермский губернатор Дмитрий Гаврилович Арсеньев оставил в книге почетных гостей запись: «Истинно счастлив, что Господь сподобил меня посетить св. Белогорскую обитель и лично удостовериться в благом влиянии ее на все окружающее население, как православное, так и пребывающее в расколе. Это последнее поколеблено в своем упорстве... той истинно подвижнической трудовой жизнью, какую установил в обители о. Варлаам... Возношу Господу и свою грешную молитву, да благословит Всевышний дальнейшее преуспеяние обители во славу Божию».

В сентябре 1899 года в Перми открылось подворье Белогорской обители с храмом во имя святителя Иоанна Златоуста. В нем останавливались по делам службы настоятель и монастырская братия. Этот двухэтажный дом был выстроен на средства пермского купца Григория Васильевича Бердинского. Проживало в подворье и обслуживало

его пятьдесят человек братии. Усадебное место на Петропавловской улице пожертвовала мещанская девица Параскева Андреевна Митрофанова. Двухэтажный братский корпус возводился на пожертвования того же купца Бердинского. Заведующим подворья был иеромонах Герасим.

За первое десятилетие существования Белогорской обители число насельников увеличилось с 12 до 400 человек. Уклад монастырской жизни был довольно строг. Вставали в три часа утра. Будил поначалу всю братию сам отец Варлаам. Он же читал и пел на клиросе. Ежедневно совершались полунощница, утренняя и часы. С самого начала соблюдалось и вечернее монашеское правило. Для монахов был построен каменный братский корпус, где находилась и трапезная.

Надо заметить, что 4 десятины земли под монастырские постройки пожертвовал крестьянин села Бым Павел Федорович Гладышев. Потом монастырь получил 400 десятин казенной земли.

Монастырская братия сама расчищала лес под пашни и луга, постепенно создавая свое собственное хозяйство. Впоследствии не только полностью обеспечивали пропитанием себя, но и кормили многие толпы паломников. В собственных трех пекарнях выпекали хлеб трех сортов: ржаной, пшеничный и крупитчатый. Ржаным хлебом монастырь кормил в течение трех дней каждого из посетивших обитель богомольцев. А пшеничный и крупитчатый продавался в монастырской лавке по обычным к тому времени ценам.

В хлебопашестве монастырь обходился собственными силами, без найма работников со стороны. В хозяйстве было много коров и до сотни лошадей. В девяти прудах разводили рыбу. На собственной мельнице мололи зерно, на кирпич-

ном заводе изготавливали для себя и на продажу добротный кирпич. Была своя лесопилка, мебельный сарай, где, кроме мебели, изготавливали доски и рамы для икон.

При монастыре были организованы различные мастерские: слесарная, столярная, кожевенная, сапожная, портняжная. Славилась своим мастерством и монастырские иконописцы. Они могли расписывать иконы в греческом, византийском, фряжском стилях и даже под «строгановское письмо». В мастерских монастыря делалась различная церковная утварь, ризы на иконы, переплеты для книг – из кожи, из бархата, из сафьяна. Была даже своя высококлассная фотография. Кстати, все фотографии дооктябрьского периода, опубликованные в этой книге, – дело рук белогорских фотомастеров.

Располагая довольно богатой библиотекой религиозно-нравственного и догматического содержания, монастырь играл заметную роль в деле распространения грамотности среди местного населения. С 1894 года при Белогорской обители существовали приют и церковно-приходская школа для мальчиков, учителями которых были И.Е. Кыласов и П.И. Мартюшев.

На 1 января 1910 года в монастыре состояло: священнослужителей – 1 игумен, 21 иеромонах, 7 иеродьяконов, 4 схимонаха, 26 мантийных монахов, 24 указных послушника, 318 бельцов, 13 мальчиков-учащихся. Итого: 414 человек. Паломников же посещало монастырь до 70 тысяч в год со всей Руси Великой. Вот какую славу обрела обитель всего за два десятка лет своего существования. Поистине, богоугодная обитель.

Живоносный источник и кельи монахов

Одним из свидетельств высокого духовного взлета Белогорской обители стало учреждение «старчества» по примеру знаменитой своими старцами Оптиной пустыни. Старцы, то есть более опытные в духовной жизни монахи, наставники иноков (начинающих монахов), жили особой, как правило, уединенной жизнью. Для этой цели в пяти верстах от монастыря, в лесной даче купца Жирнова (того самого, который пожертвовал деньги на железный «Царский крест»), был устроен Свято-Алексеевский скит, где проживало до тридцати пяти монахов, придерживающихся еще более строгих общежительных правил, чем в самой Белогорской обители.

Белогорский Свято-Алексеевский скит был создан в память «всерадостного события» – рождения Наследника Царского Престола Царевича Алексея, во имя святителя Алексея, небесного покровителя Его Высочества, и преподобного Серафима, потому что наследника Российскому Государю Бог дал по молитвам святого Серафима Саровского. Вот почему полное название скита – Белогорский Серафимо-Алексеевский скит.

Строил скит, а потом и был его начальником в то время известный талантливый православный публицист, издатель белогорского журнала «Голос долга» игумен Серафим (Кузнецов). Волею судьбы он стал еще одним из духовных наставников Великой княгини Елизаветы Федоровны, родной сестры Императрицы Александры Федоровны.

Монахи в скиту жили в полном уединении и безмолвии. Женщинам вход в скит был строго воспрещен, кроме трех дней в году: 19 июля, 17 августа и на второй день праздника Всех Святых. Две церкви были при ските: храм Серафима Саровского и пещерный храм в честь преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских и Всех Печерских Святых.

Замечательные святыни, находившиеся в скиту:

- икона преподобного Серафима Саровского, освященная митрополитом Антонием в Сарове в день открытия мощей святого, – главная святыня скита;

- икона всех Печерских чудотворцев с частицами святых мощей преподобного Дамиана Целебника;

- большой крест из масличного дерева с частицами от Честного Животворящего Древа Креста Господня;

- кипарисная рака, в которой почивали частицы святых мощей многих угодников Божиих.

Кроме игумена Серафима в скиту жили и молились старцы-черноризцы Лаврентий и Иоанн, которым преподобный Серафим Саровский неоднократно являл свои милости.

Монастырская братия на полевых работах

Дом настоятеля игумена Варлаама

24 июня 1902 года по указу Святейшего Синода Преосвященнейшим Иоанном, епископом Пермским и Соликамским, возведен в сан игумена отец Варлаам с возложением одновременно палицы.

7 сентября 1904 года указом Святейшего Синода игумен отец Варлаам награжден Золотым наперсным крестом.

За свою высокую нравственность и опытность в монашеской жизни 25 июля 1905 года игумен Варлаам назначен благочинным всех женских монастырей Пермской епархии.

14 января 1910 года отец Варлаам назначен благочинным и всех мужских монастырей Пермской епархии.

На Руси не многие удостоивались чести быть принятыми самим Государем Императором, а вот руководители Белогорской обители – архимандрит Варлаам и игумен Серафим – такой чести удостоились. Случилось это 8 декабря 1910 года. Вот как об этом вспоминает игумен Серафим:

«В 11 часов 35 минут поезд остановился у Царскосельского вокзала. Здесь были поданы две придворные кареты, в которых мы прибыли в Екатерининский дворец, где нас придворные служители ласково приняли и предложили завтрак из постных трех блюд. Признаться, было не до пищи, волнение охватывало все сильнее и сильнее...»

Государь Император Николай II принял гостей в своем кабинете. Тут же был и Наследник Цесаревич Алексей во флотской форме. Отец Варлаам поднес его величеству святую просфору и икону святого Николая Мирликийского, написанную белогорскими иконописцами, а Наследнику Цесаревичу Алексею – образ Иверской Божией Матери с дарственной надписью, в которой содержалось пожелание Наследнику испросить у Бога «всяческую мудрость Соломона, мужество и кротость Давида и рассуждения Даниила».

Монастырская мельница и прачечная

Монастырская лесопилка

Монастырская иконописная мастерская

Монастырская библиотека

Монастырская сапожная мастерская

Монастырская аптека

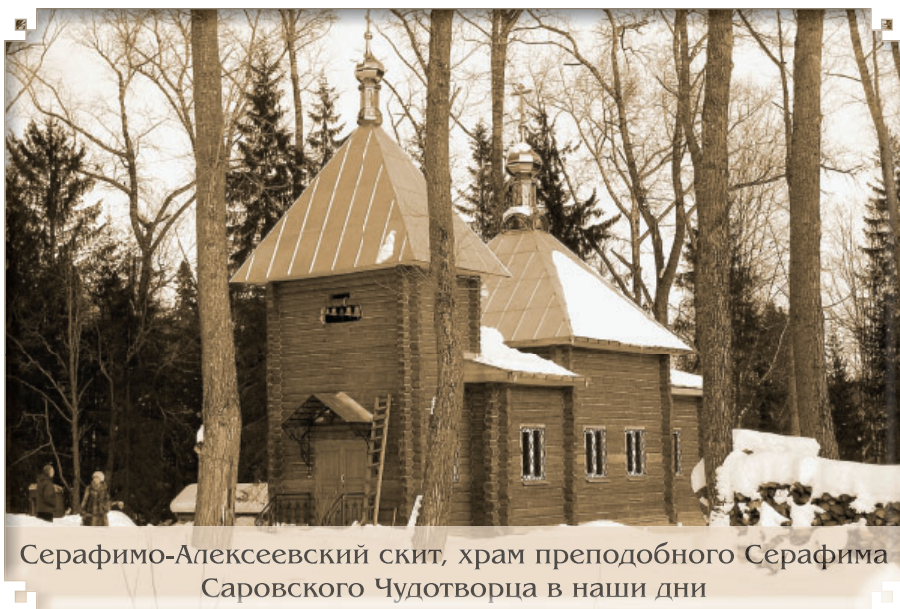
Серафимо-Алексеевский скит

Пещерный храм преподобных Антония и Феодосия
и всех Киево-Печерских святых

Общий вид с храмом преподобного Серафима Саровского

Серафимо-Алексеевский скит, храм преподобного Серафима Саровского Чудотворца в наши дни

Государь Император задал пермякам много вопросов о состоянии дел в самом монастыре, а также в Пермской епархии. По окончании приема уральцы поцеловали руку Государя, а отец Варлаам погладил по голове юного наследника престола и произнес: «Да возрастит Господь Бог тебя в царя мудра, велика и преславна!»

В эти счастливые минуты ни Государь, ни Наследник, ни отец Варлаам даже не предполагали, что судьба уже уготовила для всех троих одинаково трагический конец.

Первой и единственной представительницей царской семьи, посетившей Белогорскую обитель, стала Великая Княгиня Елизавета Федоровна, до принятия православия – принцесса Гессен-Дармштадская Элла. У нее было все, чтобы быть счастливой, как говорится, в мирской жизни: редкая красота, замечательный ум, тонкий юмор, ангельское терпение и благороднейшее сердце.

В двадцатилетнем возрасте она вышла замуж за Великого Князя Сергея Александровича, который в 1905 году пал жертвой террориста Каляева. После смерти мужа Елизавета Федоровна от мира удалилась, основала женскую Марфо-Мариинскую обитель милосердия и занялась благотворительностью, помогая страждущим.

В Пермской губернии Елизавета Федоровна пробыла десять дней, с 11 по 20 июля 1914 года. Об этом много написано, нас же здесь интересуют дни ее посещения Белогорского монастыря и Серафимо-Алексеевского скита, расположенного в пяти верстах от юной обители. Причем день ее приезда совпал с праздником, посвященным утверждению скита Святейшим Синодом. Вот какой она запомнилась начальнику скита, ее духовному наставнику игумену Серафиму:

«Благоверная княгиня в своей одежде, как будто прибывшая из другого мира, вышла из коляски. Своим ласковым, приветливым взором она отвечала народу на его восторженные приветствия. Она была дорога и любезна боголюбивому народу в своем простом сером одеянии. На голове у нее было головное покрывало – знак отречения от мира с его суетой, как символ смирения и послушания; на груди ее висел кипарисовый крест – как знак добровольного обета следовать

Святая преподобномученица
Великая Княгиня Елизавета

за Христом и служить ближним во имя Его. На левой руке вместо золота были иноческие четки – как напоминание о непрестанной молитве...»

На Белой горе Елизавета Федоровна провела два дня. Она с интересом осмотрела пещеры отшельников в Серафимо-Алексеевском ските, душевно пообщалась с отцом Серафимом и его матерью монахиней Анастасией, отслужила панихиду по своему покойному мужу, ознакомилась с работой многочисленных мастерских и историей Белогорской обители.

Августейшая особа подарила скиту икону преподобного Серафима Саровского с частицей камня, на котором молился тысячу дней и ночей преподобный Серафим. Своему духовному наставнику отцу Серафиму преподнесла она свой портрет с дарственной надписью, игумену Варлааму – тоже свой портрет и священническое облачение. В беседе с каждым человеком она была внимательна и сердечна – это отмечали многие: «Дивное событие совершилось в укромной пустыне! Редкое, небывалое торжество увидела юная обитель! Среди собравшихся людей всех положений, званий и состояний царило равенство, братство, пламенная вера и взаимная любовь».

Срочная телеграмма о начале войны от сестры, Императрицы Александры Федоровны, омрачила паломнический путь Елизаветы Федоровны по Прикамской земле. А в планах ее было еще посещение Екатеринбурга и Алапаевска. Через четыре года она снова придет в Пермь, но теперь уже в качестве пленницы большевиков. Из Перми увезут ее вместе с верной помощницей Варварой Яковлевой, не пожелавшей расстаться с ней, в Алапаевск. Там они и примут мучительный конец. Палачи сбросят их живыми в одну из алапаевских шахт.

Когда большевики отступят от Екатеринбурга и Алапаевска, тела мучениц из шахты достанут, и верный завещанию Елизаветы Федоровны ее духовный наставник игумен Серафим привезет с великими мытарствами гробы с их телами в Святую Землю Палестины. Там, в Русской Гефсимании, в храме святой Марии Магдалины, они и обретут последний свой покой.

Игумен Серафим проживет возле дорогих мощей, близ Гроба Господня, до 1959 года и будет похоронен возле того же храма Марии Магдалины.

Сегодня преподобномученицы Елизавета и Варвара причислены к лику святых.

Но вернемся к делам белогорским. Новой вершиной духовного расцвета Белогорской обители стало строительство величественного соборного храма в честь Воздвижения Креста Господня (Крестовоздвиженского) с приделами при нем: во имя Иоанна Предтечи, Крестителя Господня, и святителя и чудотворца Николая Мирликийского. Один из красивейших и величественных соборов России строился пятнадцать лет.

 священие места и закладка Крестовоздвиженского собора состоялись 24 июня 1902 года. Тысячи богомольцев собрались на это торжественное молебное пение, которое возглавил Преосвященнейший Иоанн, епископ Пермский и Соликамский, в присутствии многих почетных посетителей.

Современники отмечали: «Много нужно иметь веры в милосердие и помощь Божию, чтобы, не располагая денежными средствами, решиться строить такой величественный собор, который на все свое созидание требует сотни тысяч

Освящение места и закладка
Крестовоздвиженского собора

рублей. Но видим на деле всегда, что верующие люди не бывают оставленными милосердием у Бога».

Средства появлялись, казалось, ниоткуда. Когда еще покойный протоиерей отец Стефан Луканин вместе с настоятелем отцом Варлаамом и ктиторм монастыря Павлом Степановичем Жирновым только выбирали место под строительство храма, и оно им понравилось, Павел Степанович тут же пожертвовал солидную сумму денег на это богоугодное дело, давая хороший пример для всех присутствующих.

«Со времени совершения закладки собора, – свидетельствует летописец, – источник денежных и вещественных пожертвований не прекращался. Все время находились христоролюбивые добрые люди, которые и несли охотно свои трудовые лепты на нужды обители, и с Божией помощью этот

дивный собор все возвышался и устроился на радость насельникам обители и посещающим ее богомольцам».

Проект собора составлял, а потом исполнял гражданский инженер Е.И. Артемьев. Размеры собора: длина – 60,2 м, ширина – 55,09 м, высота – 58,40 м. На кровле собора – пять больших куполов и еще четыре малых, помещающихся над папертиями собора со всех сторон. В подвальном помещении устраивалась машина для отопления. Вместимостью собор был рассчитан на четыре тысячи молящихся.

Торжество освящения Крестовоздвиженского храма на Белой горе состоялось в тревожные для России времена – 7, 8 и 9 июня 1917 года. Дни освящения современники назвали «духовным и радостным торжеством православия».

«Ныне, вспоминая эти светлые дни, – пишет очевидец, – благодарим Всевышнего Создателя, что он, Милосердный, изволил, хотя в такие тревожные дни нашей мирской жизни, даровать нам эту духовную неземную радость. Ведь в течение пятнадцати лет этот соборный храм строился на Белой горе, все так долго ждали окончания его строительства. Многие переменялись за это время. События так резко изменились, что жутко становится на сердце за будущее, и вот, наконец-то, Господь сподобил еще дожить нам до светлых и радостных дней, когда увидишь освященным этот Божий храм и вознесешь свои сугубые молитвы ко Господу».

А храм получился – красавец! Внутри собора был выложен каменный пол из разноцветной метлахской плитки. Изящно сделаны заклиросные киоты. Иконы для главного и боковых иконостасов исполнены белогорскими мастерами в греческом стиле, что вызывало особое молитвенное настроение у верующих.

Крестовоздвиженский собор Белогорского монастыря

Снаружи белоснежные стены храма были украшены разными иконами, писанными на жести тоже в мастерской монастыря. Вокруг самого собора устроена залитая асфальтом площадь. Теперь молящиеся могли не опасаться, что при крестном ходе завязнут в грязи или наглотаются пыли. Кроме того, заасфальтированная площадка надежно защищала нижнюю часть храма от сырости.

Золоченые через огонь кресты на куполах видны были вокруг на многие-многие версты. «Отрадno было видеть, – вспоминают очевидцы, – как золотые кресты далеко испускают свой блеск, привлекая собой внимание богомольцев, идущих издалека помолиться в родную для них обитель.

Усталые путники, изнемогавшие в долгом странствии своем, приближаясь к Белой горе и видя еще издалека соборный храм с блестящими на нем золотыми крестами, осеняют себя крестным знаменем и ободряются телесными и душевными силами, желая скорее прийти в этот Божий храм, который так величественно возвышается на вершине Белой горы и как бы зовет видом своим прийти под покров его тех, кто страдает и изнемогает в жизни своей».

На торжество освящения соборного храма крестные ходы стали прибывать уже 5 июня. Монастырские колокола извещали о прибытии каждого из них. Навстречу богомольцам всегда выходил из монастыря иеромонах в праздничном облачении и от лица всей обители приветствовал с благополучным прибытием на Белую гору, осеняя всех крестным знаменем. Шестого июня прибыли крестные ходы из Кунгура, Перми и даже из Мотовилихинского завода с тремя своими священниками.

«Смотришь на всех этих богомольцев, – отмечал летописец, – и изумляешься, несмотря на пройденный ими путь при дневной жаре и пыли, они не выказывают утомления. И лица имеют радостные, на которых виден отпечаток какого-то неземного состояния. Они забыли всю мирскую суету и печали и пришли в тихую и святую обитель успокоить измученные души свои в молитве к Богу и насытить себя небесным хлебом, Его божественными тайнами».

Прибыли на Белую гору и почетные гости: Высокопреосвященнейший Андроник, архиепископ Пермский и Кунгурский; Преосвященнейший Феофан, епископ Соликамский; благочинный монастырей архимандрит Ювеналий (Килин); епархиальный миссионер А.Г. Куляшев; инспектор Пермской Духовной семинарии Н.И. Знамеровский и многие другие.

Для удобства молящихся служить всенощную перед освящением Крестовоздвиженского собора решено было

в разных местах: в верхнем и нижнем храмах самого собора, в верхнем храме церкви Иверской иконы Божией Матери, а также на площади, возле «Царского креста».

Вечером раздался мерный удар главного монастырского колокола, звуки которого как бы поплыли и растаяли в сумрачной дали Белогорья. Потом все чаще и чаще полились эти звуки, далеко разносясь по окрестности и созывая всех на молитву в новый храм. Толпы богомольцев потянулись на гору принять участие во всеобщей молитве.

В новом соборе всенощную служил Владыка Андроник. В храме Иверской иконы Божией Матери – Владыка Феофан. А на площади перед монастырем, у «Царского креста», служило духовенство, пришедшее с крестным ходом из Мотовилихинского завода со своими богомольцами, которые сами и пели всенощную стройно и красиво, составляя между собой дружную христианскую семью, объединенную духом единой всеобщей молитвы, мира и любви.

«Созерцая всю эту красоту храма Божия, – вспоминает очевидец, – видя десятки тысяч молящихся, целый сонм священнослужителей и слыша такое молитвенное пение, так и хочется воскликнуть из глубины души своей к Богу и Творцу всяческих: «Дивны дела твои, Господи, вся премудростию сотворил еси!» Поистине, это и есть Святая Белая гора, в которой благоволил Бог жити... Воочию убеждаешься, что Господь любит место сие, и только изливаешь благодарственные чувства к Богу в слезах и в молитве. Даже самая природа внимает этому дивному зрелищу. Ветер не смеет нарушить молитвенного настроения присутствующих богомольцев, и свечи не тухли – так было тихо и хорошо... Поистине, сия спасительная и священная ночь!»

На следующий день в восемь часов утра звонили уже к освящению нового Крестовоздвиженского собора. Самый

чин освящения совершали архиепископ Андроник и епископ Феофан. Весь храм был ярко освещен огнями, которые, по словам очевидцев, «как звезды небесные блистали на подсвечниках и паникадилах, вызывая радостный восторг и слезы умиления у молящихся».

По окончанию освящения Крестовоздвиженского соборного храма Владыка Андроник стал на колени лицом к народу и зачитал благодарственную молитву ко Всемилостивейшему Создателю от лица всех молящихся за все свершившееся на Белой горе.

Во время литургии был награжден палицей казначей монастыря иеромонах Антоний (Арапов) – «за свои усердные и великие труды в деле созидания и украшения соборного храма».

Иеромонах Антоний

Об отце Антонии стоит сказать особо. Когда в 1911 году отец Антоний заступил на должность казначея, собор был выстроен еще наполовину, и, конечно же, ни о каком украшении храма говорить еще не приходилось. Неизвестно было, откуда на это и средства найдутся.

Однако неутомимыми проповедями, беседами со знакомыми и незнакомыми ему людьми отец Антоний добивался удивительных результатов. Купцы и крестьяне, рабочие и

чиновники после общения с ним «с радостью и умилением» жертвовали на святое дело – строительство храма. Именно его поистине «златые уста» позволяли значительно сократить сроки строительства собора и так великолепно украсить его богатой церковной утварью.

Но вернемся к празднику освящения Крестовоздвиженского собора. Сразу же после торжественной литургии все почетные гости были приглашены в трапезную, где они разделили праздничный обед с монастырской братией. Собственно, это было уже домашнее семейное торжество, где говорилось много хороших слов и в адрес братии за совершенный христианский подвиг, и в адрес их благодетелей, тоже много сделавших для того, чтобы подвиг этот свершился.

Архимандрит Варлаам особо отметил заслуги ктиторов и попечителей Белогорской обители братьев-купцов Павла Степановича и Дмитрия Степановича Жирновых. Они присутствовали на торжестве вместе с женами Татьяной Николаевной и Александрой Ивановной, тоже внесшими весомую лепту в воссоздание Белогорского монастыря и Серафимо-Алексеевского скита. Отец Варлаам, зачитав благодарственный адрес, лично поднес им в дар святые иконы «чудной работы и красивого письма».

В ответной речи Павел Степанович Жирнов сказал: «Глубокочтимейший архимандрит отец Варлаам, сегодня, в день великого торжества и общей нашей с вами радости, Вы оказали нам великую честь, которую мы не заслужили. Ваше сердечное отношение к нам до глубины души тронуло наши сердца. Те приятные чувства, которые мы переживаем в настоящий момент, объяснить словами нельзя. От души сердечно благодарим Высокопреосвященнейшего

Владыку нашего за святые молитвы и за освящение собора, а Вас, дорогой архимандрит, и всю братию святой Белогорской обители сердечно благодарим за неоценимое подношение святой иконы Иверской Божией Матери, за святые молитвы и за оказанную нам великую честь. От души благодарим протоиереев, иереев, миссионеров за участие в освящении собора. Желаем всем здоровья, благополучия и успеха, продолжать украшение обители во славу Божию и на радость всем приходящим людям, а за Ваше душевное удовлетворение, глубокочтимейший архимандрит, спаси Вас Христе Боже!»

Удивительно скромная речь, хотя все присутствующие хорошо знали, что больше, чем семья купцов Жирновых, в Белогорскую обитель не вложил никто.

Белогорский монастырь встретил теплейшее сочувствие во всех сферах православной Руси. Живейшее участие в жизни монастыря принял и Государь Император России Николай II, и митрополит Палладий, и епископы Пермские и Соликамские Петр, Иоанн и Владимир, и архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник, и многие другие.

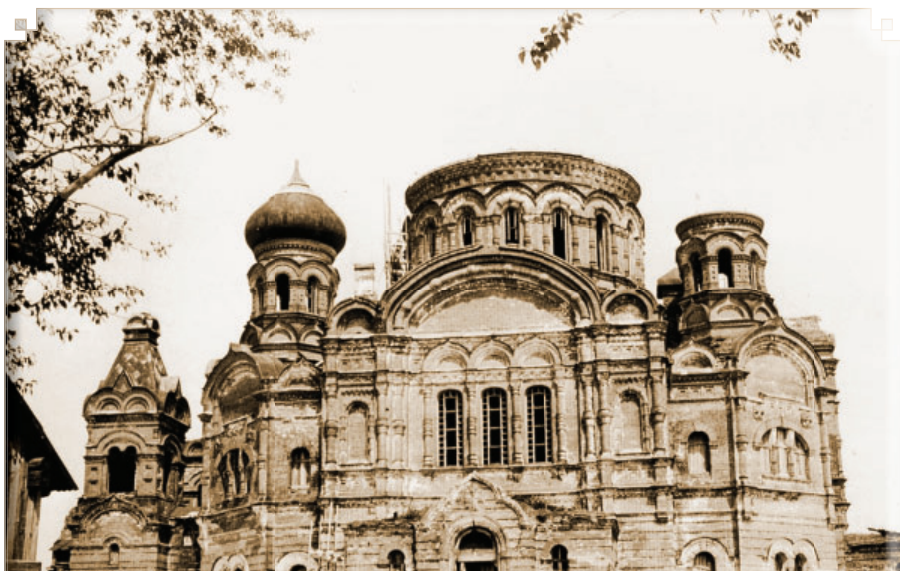
С первых дней деятельности обратил на себя внимание православных людей и даже старообрядцев избранный архипастырем и утвержденный Святейшим Синодом настоятель иеромонах отец Варлаам.

Слава о Белогорской обители распространилась в скором времени так далеко, что паломники шли и шли на Белую гору со всех сторон России.

Сверх нравственных качеств обители большим притяжением служил и величественный вид окружающей природы. Никто из побывавших на Белой горе не мог забыть ее и не находил нигде, кроме Афона, подобной красоты.

Белогорский Свято-Николаевский монастырь (1917 г.)

Все, что осталось от Крестовоздвиженского собора
(фото 1990 г.)

**НА СКЛОНАХ СЕДОГО УРАЛА,
В ГЛУХОМ И ДРЕМУЧЕМ ЛЕСУ,
НАРОДНАЯ ВЕРА СВЯТАЯ
СОЗДАЛА ОБИТЕЛЬ-КРАСУ...**

**ЛИКУЙ И КРАСУЙСЯ НА МНОГИЕ ЛЕТА,
СЛАВНАЯ БЕЛАЯ СВЯТАЯ ГОРА!
БОГ СОХРАНИТ ТЯ ОТ ЗЛОГО НАВЕТА,
ОБИТЕЛЬ МОЛИТВЫ, ПОСТА И ТРУДА!**

Можно понять чувства паломника, оставившего эти литературно несовершенные стихи. Невозможно понять тех, кто красоту эту порушил, осквернил, изничтожил.

Вся правда тех «окоянных дней» еще ждет своих исследователей. А в этой небольшой, светлой книжке даже не хочется говорить о тех, кто расстреливал и закалывал штыками беззащитных монахов, кто истерзал и утопил в Каме архимандрита отца Варлаама, кто пожег и разрушил одну из святынь Русской Православной Церкви – Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь.

БОГ ИМ СУДЬЯ!

Ныне архимандрит Варлаам (Коноплев) причислен к лику святых Русской Православной Церкви.

Но времена меняются. Похоже, пришла пора перестать нам просто оплакивать утраченную святость, красоту и величие Белогорской обители, но засучив рукава, с Божией помощью, приняться за ее возрождение. И прав поэт, воскликнувший:

**КТО СКАЖЕТ, ЧТО ХРАМ УНИЧТОЖЕН?
СТАРИННАЯ КЛАДКА ЦЕЛА,
ФУНДАМЕНТ ГЛУБОК И НАДЕЖЕН,
ЧТОБ ВНОВЬ ВОЗНЕСЛИСЬ КУПОЛА!**

**И СЛОВОМ, ПОДВЛАСТНЫМ ПОКА МНЕ,
Я КЛИЧУ ТОВАРИЩЕЙ РАТЬ:
«НЕ ВРЕМЯ ОПЛАКИВАТЬ КАМНИ –
ПОРА ИХ ОПЯТЬ СОБИРАТЬ!»**

С 1991 года монастырь, вернее, то, что от него осталось, возвращен Русской Православной Церкви. Сейчас он снова находится в ведении Пермской епархии. По благословению Святейшего Синода Преосвященнейший Афанасий, в ту пору епископ Пермский и Соликамский, назначил настоятелем Белогорского монастыря игумена Варлаама (Передернина). Приняв эстафету от казненного большевиками архимандрита Варлаама (первого), игумен Варлаам (второй) принялся за восстановление обители. Торопился, очень торопился отец Варлаам, потому что чувствовал, что немного времени отвел ему Господь на это святое дело.

тец Варлаам (в миру Александр Ильич Передернин) родился в деревне Курилы Кунгурского района, в сорока километрах от Белой горы. После четырех классов начальной школы, в 1946 году, поступил в ФЗУ, по окончании которого был направлен на Лысьвенский металлургический завод, где проработал в прокатном цехе двадцать семь лет.

Ухудшилось здоровье, и пришлось уйти работать сторожем Всехсвятского храма в Верхне-Чусовских Городках. Под руководством настоятеля этого храма протоиерея Николая Рогозина за короткое время познал весь церковный устав, ибо с юношеских

лет тянулся к Вере и Храму. Вскоре он уже был назначен чтецом при Свято-Троицком кафедральном соборе города Перми. А 4 августа 1974 года Преосвященный епископ Викторин рукоположил его в сан диакона. На следующий день – в сан иерея с назначением на должность настоятеля Свято-Никольской церкви села Телес в Уинском районе.

Не однажды отец Александр (таким именем он был наречен) в то время награждался церковными наградами: набедренником, скуфьей, камилавкой.

14 сентября 1979 года иерей Александр был назначен вторым священником Иоанна-Богословской церкви в городе Лысьве и за усердные церковные труды удостоился награждения Золотым наперсным крестом. А затем был возведен в сан протоиерея. В феврале 1986 года Преосвященный Афанасий, епископ Пермский и Соликамский, назначил его настоятелем этого храма.

12 октября 1989 года по рекомендации Приходского совета и многочисленным просьбам прихожан Всехсвятской церкви города Кунгура протоиерей Александр назначается штатным священником этого храма.

15 апреля 1990 года усердное служение Церкви снова отмечается наградой – правом ношения за богослужением палицы.

Игумен Варлаам
(в миру Александр Ильич
Передернин)

1 апреля 1991 года протоиерей Александр с благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II был пострижен в монашество с наречением ему имени Варлаам. Пострижение совершилось в Свято-Троице-Сергиевой лавре.

Наконец, 15 апреля 1991 года отец Варлаам был назначен на тот многотрудный пост игумена Белогорской обители, который и стал в его жизни последним.

По воспоминаниям тех, кто был рядом с отцом Варлаамом в его последние годы, – это был удивительный человек. «Отец Варлаам был первый священник, с которым свел меня Господь, – вспоминает послушник Михаил. – Я не знал ни одной молитвы, ни как креститься – совершенно ничего не знал. До встречи с ним у меня было ощущение, что в этой жизни я ничего нового уже не увижу. Количественно – возможно, а качественно – нет. Господи, как я заблуждался! Сегодня я пребываю в совсем другой качественной жизненной плоскости только благодаря отцу Варлааму. Он за неделю, буквально за неделю, сумел меня вразумить, что ничего не потеряно.

Он был мудрый человек, рассудительный, умел обличать так, что человек на него зла не держал. Обижаться на него было нельзя, потому что он делал это с большой любовью к тому, с кем говорил. Академического образования он не имел, но его тактичности мог бы позавидовать любой академик. Каждый вопрос он рассматривал с точки зрения – полезно это или вредно для спасения души. Если полезно, то будем это делать, а не полезно – не будем. И я не припомню случая, когда бы он ошибался. Удивительная православная интуиция.

Что меня еще умиляло, хотя многие этого не воспринимали, – то, что, будучи в сане игумена, он все делал своими руками.

Да еще и «неумекам» всегда показывал, что вот это бревно надо пилить вот так, сено косить вот так, грести вот так... Или вот за столом в трапезной: он всегда ел то же, что и все. Не дай Бог, если кто-то подаст ему повкуснее и побольше, в большую немилость попадет. Много сейчас таких игуменов? А-а-а!

Конечно же, то, что я пошел по пути православия – это промысел Божий, но я рад до слез, что первым поводырем на этом пути оказался у меня отец Варлаам».

За короткий срок до своей кончины отец Варлаам с немногочисленной братией проделал огромную работу: частично был восстановлен и устроен для жилья братский корпус, отремонтирована кровля на других зданиях, восстановлена и освящена домашняя церковь, в которой сразу же начались богослужения. Но главное – был очищен от десятков тонн мусора огромный Крестовоздвиженский собор. Теперь в нем можно было начинать восстановительные работы.

А ведь, кроме этого, отцу Варлааму и хозяйство нужно было налаживать. На 57 гектарах земли, возвращенных монастырю, игумен с братией наладили выращивание картошки, овощей, заготовку сена для скота и леса для строительства. И хоть тяжело болел и уставал настоятель безмерно, на судьбу не роптал, а свято верил, что с Божией помощью рано или поздно обитель будет возрождена.

«Дай Бог закончить последние годы жизни своей так, как закончил их отец Варлаам, – отмечал незадолго до своей кончины самый близкий для игумена Варлаама человек протоиерей Александр Ватолин, – все-таки он по-христиански жил. Он взял на себя непосильный христианский подвиг. Сами понимаете, какое испытание – все эти белогорские дела. Конечно же, они ускорили его кончину, но ведь он не спасовал. До конца верным остался.

Молодежи надо много брать от уходящего поколения священства. Нас уже немного остается. Ведь наши молодые пастыри почти все выросли в семьях неверующих, значит, нет крепких корней православия. Многие ведь просто думают, вот, мол, священник – можно как-то и полегче прожить. А на самом деле – это великий подвиг, если по-настоящему священнику исполнять все, что положено. Это крестный путь. Не зря мы нарукавницы надеваем и завязываем шнурочком – это руки Христа, связанные веревочкой. Мы надеваем головной убор – это терновый венец Христовый. Не все это понимают, а надо бы...

Отец Варлаам это понимал, ибо был глубоко верующим человеком. А глубокая вера – это самое главное, это первая основа. Не зря говорит Господь: «По вере вашей будет вам!»

Отец Варлаам был очень человечный, ведь он хоть большой учености не имел, а без наставления никого не оставлял. Хоть маленькое поучение, хоть маленькое наставление, но давал, не ленился. Вот так надо жить священнику, чтобы радость и успокоение людям нести.

Я вот часто на проповедях людям и молодым священникам говорю: «Будьте, как благоухающие цветочки, красивые и притягательные! Будьте, как весеннее солнышко – теплое и ласковое. Ибо зимнее солнышко, хоть и светит, каждую снежинку искрит, но ведь не греет. Поэтому будьте весенним солнышком! Будите к жизни и грейте!»

Был ли отец Варлаам таким? Думаю, что был. По крайней мере, очень стремился к этому».

Игумен отец Варлаам сделал все, что было в его силах, совершив до конца свой христианский подвиг, и о том никогда не забудет Святая Церковь.

Проjekt реставрации Крестовоздвиженского храма – главного храма монастыря – разработал Генрих Лукьянович Кацко (председатель архитектурной секции областной организации ВООПиК) и архитектор Александр Александрович Метелев.

Генрих Лукьянович имеет солидный опыт реставрации архитектурных памятников Прикамья. Успенская церковь в Перми, Свято-Никольский храм в Кунгуре, Введенская церковь и церковь Иоанна Предтечи в Соликамске, Никольская церковь в Ныробе, Успенский собор Трифоновского монастыря в Кирове, крыльцо дома Строгановых в Усолье, соляной комплекс и Богородицкая церковь с колокольной в Хохловском музее деревянной скульптуры – это все дела его добрых и прекрасных рук.

Совместно с Г.Л. Кацко большую работу по обмерным чертежам разрушенного в годы лихолетья Крестовоздвиженского храма, без которых невозможно было разработать проект его реставрации, проделал архитектор Александр Александрович Метелев. Позднее, в 1998 году, Метелев стал главным архитектором проекта восстановления всего монастырского комплекса. Авторский коллектив этого проекта сформировался на базе производственного кооператива «Институт Пермагропромпроект». Именно этому институту была поручена роль генерального проектировщика по восстановительным работам в Белогорской обители.

Руководитель института, заслуженный строитель России Игорь Александрович Фролов и главный инженер проекта Любовь Александровна Теленкова приложили немало усилий, профессионального опыта и знаний для того, чтобы привлечь к разработке документации по реставрации монастырских объектов не только своих

специалистов, но еще ученых и проектировщиков других институтов и научных центров, художников и инженеров-реставраторов. Их непростая задача состояла в координации работы специалистов разных школ для того, чтобы не только квалифицированно возродить исторический облик Белогорского монастыря, но и создать наиболее благоприятные условия для насельников, паломников и туристов за счет инженерной инфраструктуры.

Работа авторского коллектива ПК «Институт Перм-агропромпроект» была высоко оценена. В 2000 году он был награжден Дипломом VI Международной выставки «Строительство и ремонт – 2000» за высокий профессиональный уровень и духовно-культурную общественную значимость.

Летопись Белогорского монастыря содержит подробные списки тех, кто жертвовал обители святыне иконы и книги, строительные материалы и колокола, деньги и продовольствие.

Самый первый вклад, почин в 1000 рублей, сделали дворяне Затворницкие на приобретение дома для Свято-Никольского храма, плащаницы и малых колоколов;

- губернатор Петр Григорьевич Погодин пожертвовал благовестный колокол и деньгами прислал 500 рублей;

- купеческая жена Анисия Фоминична Щелкунова приобрела для обители за 1300 рублей колокол в 89 пудов;

- крестьянская вдова Нунехия Екимовна Горяева пожертвовала 500 рублей на металлическую одежду престола в храм Иверской иконы Божией Матери;

- купец Василий Иванович Флягин пожертвовал строительный материал и образ святого великомученика Пантелеимона в 500 рублей;

*Вечная память Вам,
белогорские монахи,
с муками ушедшие из мира сего*

- горное ведомство отпустило бесплатно из своей лесной дачи 1000 деревьев;
- бывший старообрядческий иерей Беловодской секты, еще до присоединения к православию, пожертвовал 3000 рублей на приобретение всех икон московской работы и фряжского стиля для Иверского храма;
- крестьянин Герасим Петрович Кузнецов пожертвовал 200 рублей;
- золотопромышленник Василий Иванович Шайдуров пожертвовал тоже 200 рублей и т. д.

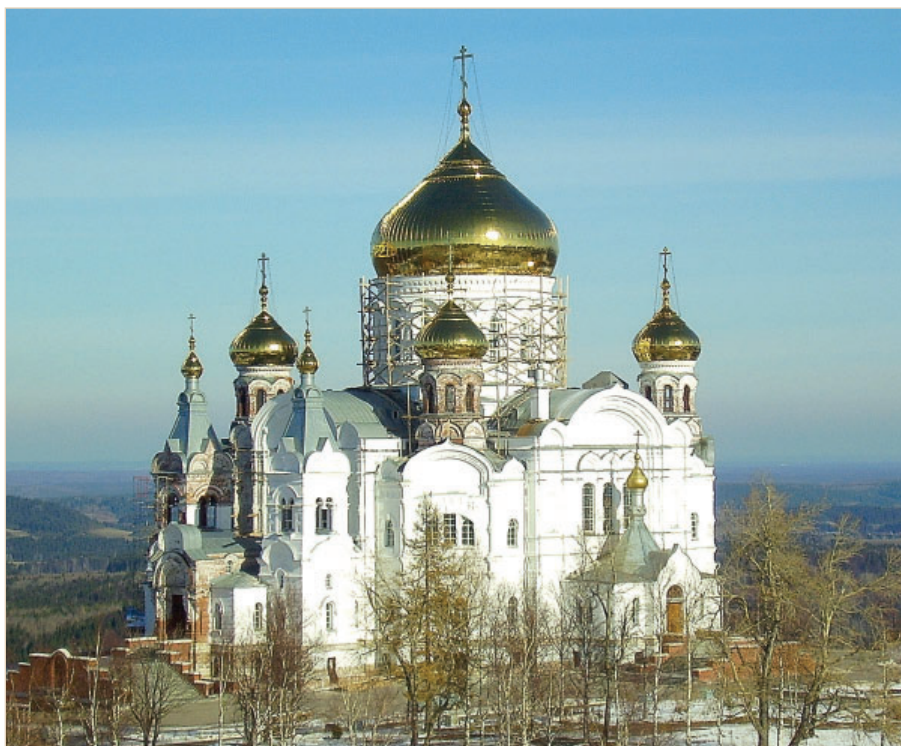
Нельзя не сказать здесь о том, какую поддержку оказывал монастырю Император Николай II, именем которого наречена обитель. Пермская духовная консистория передала Белогор-

скому монастырю более 6000 рублей, выделенных Царем из казны государства.

Любой, самый малый взнос фиксировали в своих «Книгах памяти» благодарные белогорские монахи. Нам, живущим сегодня, всегда следует помнить, что Святая Церковь особо молит Бога за благотворителей храмов и взывает: **«ОСВЯТИ ИХ, ПРОСЛАВИ ИХ СИЛОЮ ТВОЕЮ БОЖЕСТВЕННОЙ, СПОДОБИ ИХ ЦАРСТВА СЛАВЫ ТВОЕЙ В БЛАЖЕННОЙ ВЕЧНОСТИ!»**

А как хорошо сказал по этому поводу протоиерей Григорий (Дьяченко):

«ПРОЙДУТ ГОДЫ. ПРОНЕСУТСЯ СТОЛЕТΙΑ. ЗАБУДУТСЯ НЕ ТОЛЬКО ИМЕНА, НО САМЫЕ МОГИЛЫ НАШИ. ИСЧЕЗНЕТ ВСЯКАЯ ПАМЯТЬ О НАС В ПОТОКЕ ВЕКОВ И ПОКОЛЕНИЙ. НО ЕСЛИ ВО ДНИ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ МЫ ОТВЕРЗАЛИ РУКУ СВОЮ ПОСИЛЬНОМУ БЛАГОДЕЯНИЮ ХРАМАМ БОЖИИМ, ТО НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТ О СЕМ СВЯТАЯ ЦЕРКОВЬ».

Краткая хроника возрождения Белогорского монастыря

Можно считать, что возрождение Белогорья началось в 1988 году, в дни празднования 1000-летия Крещения Руси. Именно с этого времени началось интенсивное возрождение многих православных храмов и монастырей. Достаточно вспомнить, что еще в 1985 году Пермская епархия насчитывала всего 41 приход, а к концу 1991 года их было уже около полутора сотен, да два новых монастыря, в том числе и Белогорский.

24 декабря 1990 года Пермский облисполком принял решение о передаче Белогорского Свято-Николаевского православно-миссионерского мужского общежительного монастыря Пермской епархии Русской Православной Церкви.

29 января 1991 года Священный Синод удовлетворил прошение архиепископа Пермского и Соликамского Афанасия о благословении на открытие Свято-Николаевской обители на Белой горе, где была возобновлена монашеская жизнь.

15 апреля 1991 года наместником Белогорского монастыря стал игумен Варлаам (Передернин).

18 мая 1991 года состоялся акт передачи зданий Белогорского монастырского комплекса в безвозмездное и бессрочное пользование Русской Православной Церкви.

2 июля 1991 года в верхнем храме Крестовоздвиженского собора прошло первое богослужение.

28 мая 1993 года Крестовоздвиженский собор, два братских корпуса и мастерские были внесены в государственный список памятников градостроительства и архитектуры областного значения.

В 1993 году архитектурной секцией областной организации ВООПиК под председательством Г.Л. Кацко был разработан проект реставрации Крестовоздвиженского храма Белогорского монастыря. В этом же году началось строительство автодороги до Белой горы.

В мае 1995 года на куполах Крестовоздвиженского собора на многие версты засияли золоченые кресты. А в декабре того же года наместником Белогорского монастыря стал игумен Даниил (Ишматов), а ктиторм – Р.В. Мингалев, много сделавшие для решения проблем Белогорья.

К концу 1995 года было закончено строительство грунтовой дороги к храму и начались работы по реставрации Кресто-

воздвиженского собора. В сентябре следующего года Пермская областная администрация приняла постановление «Об оказании помощи в реставрации Белогорского Свято-Николаевского мужского монастыря».

В марте 1996 года по идее Олега Федорущенко (сценариста и кинорежиссера, автора этой книги) телекомпания «Уралинформ-ТВ», «Т-7» и «Рифей-Пермь» провели шестичасовой телемарафон в прямом эфире в поддержку возрождения Белогорской обители из зала Областного драматического театра. Поддержали его: архиепископ Пермский и Соликамский Афанасий, областная и городская администрации. Основным спонсором марафона выступило ОАО «Уралсвязинформ» (генеральный директор Владимир Ильич Рыбакин и его заместитель Владимир Витальевич Попов). Этот марафон стал настоящим праздником благотворительности для жителей Прикамья.

В мае 1996 года монастырь посетил и совершил молебен Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. После молебна Предстоятель Русской Православной Церкви обратился к народу с вдохновенной проповедью, которая надолго останется в памяти верующих Прикамья.

В 1997 году были проведены Свято-Варлаамовские православно-миссионерские чтения и совершен крестный ход из Перми на Белую гору, который совершается с той поры ежегодно.

2 июля 1998 года на Белой горе состоялся торжественный чин канонизации священномученика Феофана, епископа Соликамского, и преподобномученика Варлаама, архимандрита Белогорского, с убиенной братией обители.

27 сентября 1998 года, в праздник Воздвижения Креста Господня, в Белогорской обители вновь воздвигнут и освящен исторический «Царский крест». Проектировал его пермский архитектор Александр Александрович Метелев. Облик креста восстановлен по историческим фотографиям. Изготовлен «Царский крест» высотой 10,66 метра на заводе горношахтного машиностроения из нержавеющей стали на средства благотворителей. Стоит здесь заметить, что А.А. Метелев не только талантливый архитектор, но и большой знаток истории Белогорья. Многие ошибки в датах событий, происходивших на Белой горе и описанных в первых изданиях этой книги, поправлены именно по его справедливым замечаниям.

8 сентября 1998 года создается Некоммерческий фонд поддержки воссоздания Крестовоздвиженского собора Белогорского монастыря «БЕЛАЯ ГОРА». Этому мы уделим здесь особое внимание.

Дорога к Храму

Некоммерческий фонд поддержки воссоздания Крестовоздвиженского собора Белогорского монастыря «БЕЛАЯ ГОРА»

Крестовоздвиженский собор Белогорского монастыря, как мы уже отмечали, был и остается одним из самых величественных архитектурных сооружений на Урале. На одни пожертвования прихожан его не восстановить. Необходима серьезная финансовая поддержка государственных и местных властей, производственных и торговых предприятий. Как мы помним, при возведении Крестовоздвиженского собора на Белой горе такая всесторонняя поддержка была и от Государя Императора, и от Пермского губернатора, и от прикамских заводчиков и купцов. Такая мощная поддержка, конечно же, весьма способствовала тому, чтобы храм в глубокой глуши, на высокой горе и при полном бездорожье был построен всего за полтора десятка лет.

В большинстве случаев восстанавливать, реставрировать бывает гораздо дольше и дороже, чем строить заново. Так случилось и с Белогорской обителью. Восстанавливается она уже восемнадцать лет, а работы еще непочатый край.

Для того чтобы активизировать реставрационные работы, 8 сентября 1998 года по инициативе администрации Пермской области и Пермской епархии был учрежден «Некоммерческий фонд поддержки воссоздания Крестовоздвиженского собора Белогорского монастыря «БЕЛАЯ ГОРА». Активно поддержал идею создания Фонда и тогдашний губернатор Пермской области Геннадий Вячеславович Игумнов.

Учредителями Фонда стали:

- ППФ «Гознак»,
- АФ «Уралгазсервис»,
- АО «Минеральные удобрения»,
- АО «Пермтрансжелезобетон»,
- АО «Пермэнерго»,
- ООО «Пермхиммонтаж»,
- ООО «Стройкомплект»,
- АО «Пермглавснаб»,
- АО «Завод ЖБК-3»,
- НПО «Искра»,
- АО «Сорбент»,
- АКБ «Империал»,
- АО «Уралсвязьинформ»,
- АО «Сдобри»,
- ЗАО «Агроторговый дом»,
- АО «Пермская пивоваренная компания»,
- АО «Мотовилихинские заводы»,
- Газоперерабатывающий завод,
- Уральский региональный фонд информационной поддержки социальных программ.

Председателем правления – президентом Фонда «БЕЛАЯ ГОРА» был избран генеральный директор ОАО «Уралсвязьинформ», депутат Областного Законодательного Собрания Владимир Ильич Рыбакин. Исполнительным директором был назначен Сергей Владимирович Рыжанов. Основную концепцию деятельности Фонда, которую утверждал губернатор области Геннадий Вячеславович Игумнов, разрабатывали заместитель генерального директора ОАО «Уралсвязьинформ» Владимир Витальевич Попов и автор этой книги.

Высшим органом управления Фондом «БЕЛАЯ ГОРА» является Общее собрание учредителей. Контроль над дея-

тельностью Фонда осуществляет Попечительский совет, куда входят представители администрации Пермского края, Законодательного Собрания, Пермской епархии, а также – видные деятели науки, культуры и общественных организаций Прикамья.

Более 8 лет (с 2000 года) председателем правления – президентом Фонда «БЕЛАЯ ГОРА» был Валерий Степанович Сазанов, генеральный директор ЗАО «Фирма «Уралгазсервис».

Сегодня председателем правления – президентом Фонда «БЕЛАЯ ГОРА» является генеральный директор ЗАО «Фирма «Уралгазсервис» Николай Евгеньевич Благов, а председателем Попечительского совета – депутат Законодательного Собрания Пермского края Николай Арсеньевич Яшин.

За время деятельности Фонда «БЕЛАЯ ГОРА» на восстановление Белогорской обители было привлечено более 50 миллионов рублей из различных источников, которые были направлены на проектно-изыскательные и реставрационно-строительные работы.

Фондом также была подготовлена и выдана проектно-сметная документация по восстановлению Крестовоздвиженского собора и других объектов монастыря.

За 12 лет Фонд «БЕЛАЯ ГОРА» доказал свою состоятельность и необходимость. Помимо решения задач по привлечению финансовых и иных материальных средств на восстановление Белогорья, Фонд «БЕЛАЯ ГОРА» организывает и поддерживает многие мероприятия. Достаточно вспомнить популярные Варлаамовские чтения; ежегодный крестный ход на Белую гору; традиционный краевой журналистский конкурс «Возродим Уральский Афон»; торжественные встречи благотворителей на Белой горе в православные праздники;

издание и переиздание книг об истории Белогорья; финансирование фильмов, статей, очерков, обращений к гражданам с призывами оказать посильную помощь в возрождении Белогорской обители; участие в ежегодных выставках «Православная Русь» и так далее – все это разносторонняя деятельность Фонда «БЕЛАЯ ГОРА». И она была по достоинству отмечена.

По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II епископ Пермский и Соликамский Иринеарх в 2004 году вручил председателю правления – президенту Фонда «БЕЛАЯ ГОРА» Валерию Степановичу Сазанову высокую Патриаршую награду – орден Русской Православной Церкви Преподобного Сергия Радонежского III степени.

Также за активное участие и финансовую поддержку в восстановлении Белогорского монастыря 143 жителя Пермского края награждены орденами и медалями Русской Православной Церкви, благословенными Патриаршими и Архиерейскими грамотами. Эти награды – яркое свидетельство заслуг всех благодетелей Белогорской обители.

22 июля 1999 года Градостроительным советом Пермской области одобрен генеральный план развития Белогорского монастыря, разработанный авторским коллективом ПК «Пермагропромпроект», который был награжден Дипломом VI международной выставки «Строительство и ремонт – 2000» за высокий профессиональный уровень и духовно-культурную общественную значимость.

В Рождественские праздники 2000 г. у Крестовоздвиженского собора во временной звоннице были установлены девять колоколов, отлитых в Николо-Шартомском монастыре Ивановской епархии.

В последующие годы закончено строительство:

- автодороги с асфальтовым покрытием до Белой горы;
- газопровода и водопровода;
- газовой котельной с теплосетью;
- двух артезианских скважин с водоводом;
- очистных сооружений и пожарных водоемов;
- базовой станции сотовой связи GSM;
- подиума для «Царского креста»;
- часовни на святом источнике;
- храма в Серафимо-Алексеевском скиту;
- отремонтированы два братских корпуса;
- восстановлена кровля на Крестовоздвиженском соборе;
- изготовлены и установлены оконные блоки в храме;
- выполнены штукатурные работы в нижнем храме;
- восстановлены системы отопления, воздухообмена, вентиляции;
- восстановлены три крыльца и восточный вход в нижний храм;
- воссоздана центральная часть иконостаса с иконами и установлены каркасы боковых приделов в верхнем храме;
- произведена укладка мраморных полов в алтаре и солеи верхнего храма;
- реконструирована трапезная и парадная лестница.

5 марта 2010 года правящим архиереем Пермской епархии Русской Православной Церкви и священноархимандритом Белогорского монастыря стал митрополит Мефодий (Немцов). Взойдя на Пермскую кафедру, он обратил особое внимание на Белогорский монастырь.

Красота обители, непростая ее история, подвиг преподобномучеников Белогорских во главе с архимандритом Варлаамом, паломничество тысяч православных верующих способствуют совместной плодотворной работе Владыки Мефодия

с губернатором края, Администрацией губернатора Пермского края, Фондом «БЕЛАЯ ГОРА», попечителями и благотворителями монастыря – по привлечению средств для проведения завершающих ремонтных и ремонтно-реставрационных работ в обители.

Благие намерения архипастыря услышаны и поддержаны губернатором Пермского края Олегом Анатольевичем Чиркуновым. По поручению главы региона Администрация губернатора Пермского края подготовила программу по привлечению средств бюджета региона и других средств для продолжения работ по восстановлению Белогорского монастыря. В соответствии с этой программой планируется провести ремонт и восстановление братских корпусов № 1 и № 2, завершить в целом работы в Крестовоздвиженском соборе и работы по благоустройству территории монастыря.

За этим, казалось бы, скучным перечислением проделанных и предстоящих работ – забота многих тысяч людей Прикамья и всей России, которые своими личными пожертвованиями оказывают посильную помощь в восстановлении Белогорской обители.

**ДА ВОЗРОДИТСЯ «УРАЛЬСКИЙ АФОН» –
БЕЛОГОРСКИЙ СВЯТО-НИКОЛАЕВСКИЙ
МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ – И С БОЖИЕЙ ПОМОЩЬЮ
ВНОВЬ ВОССТАНАЕТ, «КАК СВЕТИЛЬНИК,
УКАЗУЯ ПУТЬ ВО ТЬМЕ БЛУЖДАЮЩИМ»!**

Покровители Белогорской обители новомученики:
сщмч. Феофан, епископ Соликамский,
прмч. Варлаам, архимандрит Белогорский,
и сщмч. Андроник, архиепископ Пермский и Кунгурский.

Документальное издание

Федорущенко Олег Андреевич

«Белогорская обитель»

Исторический очерк

Дизайн и компьютерная верстка: Р. И. Березин

Корректор Н. И. Бартова

Подписано в печать 24.01.2011 г.

Формат 60x90/16. Гарнитура Times New Roman.

Усл.-печ. л. 3,7. Тираж 5000 экз. Заказ № 49.

Изготовлено и отпечатано в ООО «Печатный салон «Гармония»,
г. Пермь, ул. Кирова, 34. Тел. 212-64-59.